

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 23

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, прозы которых заставят каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-71686-684-5

УДК: 1751

Budapest 2020

Итоги конкурса

1 место: Юрий Диоген

Дополнительная информация от первого лица:

Приветствую, уважаемые друзья. Меня зовут Юрий, мне 36 лет, я работаю тренером, профессионально выступал по силовым видам спорта. Из тренера вырос до специалиста по реабилитации, еще я гид, знакомя людей с невероятным Горным Алтаем. С моей работой хочется писать только о консолидации, об объединении. Объединить все внутренние ресурсы вокруг единого и наиболее сильного основания и устремить эти силы в будущее. Только это работает. Алтай считаю лучшим специалистом по реабилитации и по созданию хорошего настроения. И свою победу хочу разделить со всеми участниками, ибо только в таком случае моя победа будет хоть что-то стоить. Мы все пишем о том, о чем не можем не писать, все творим. Ищем. Обещаю, каждому участнику, что я найду в его творчестве то, что сделает меня лучше. Тот, кто творит-всегда побеждает. Вы уже победители и ваша работа уже как минимум в моем сердце обретет жизнь.

С уважением,
Юрий Диоген

2 место: Надежда Соломатова

Дополнительная информация от первого лица:

Из далёкой Сибири пишу. Пишу, когда грустно. Именно в процессе письма освобождаюсь от тревожных чувств, которые всегда готов выслушать лист бумаги. Надеюсь, что мои строчки помогут их читателям дойти до истины, найти идею, которая изменит их жизнь. Спасибо за ваши голоса, с любовью...

3 место: Полина Орловская

Дополнительная информация от первого лица:

Родилась я в семье военных в маленьком городе Мирный, при космодроме Плесецк. Мечтала стать художником, мечтала летать, мечтала о большой семье. Все получилось! Я многодетная мама, художник, дизайнер, имею третий спортивный разряд по парашютным дисциплинам. А писать стихи и прозу получилось только сейчас, чему бесконечно счастлива!

Люблю людей, они - мое вдохновение!

Содержание

Юрий Диоген	6
Надежда Соломатова	14
Полина Орловская	17
Антон Пудов	21
Владислав Мороз	27
Вадим Мальцев	31
Ё	36
Диана Фомина	46
Евгений Колобов	57
Николай Яременко	62
Рената Юрьева	65
Лана Прянишникова	71
Шаген Оганнисян	74
Контактная информация авторов	89

Юрий Диоген

Победная поступь неизвестного солдата

Жизнь бесконечно удивительна. Для сильного духом нет препятствий. Для взлетающего самолета поток встречного ветра – скорее инструмент для взлета, нежели сопротивление. Одним из основополагающих законов, которым можно всегда руководствоваться, в любой непонятной ситуации – является закон синтеза. Всегда, в любой самой сложной ситуации, есть что-то, из чего можно сделать плюс. Даже если есть три минуса, всегда есть возможность создать нечто, что на выходе даст четыре плюса. Всегда можно придумать, как поймать трех зайцев одновременно будет легче, быстрее и надежнее, чем ловить одного. Синтез лучших решений. Когда отсутствие ответа – будет нечто большим, нежели просто ответ. Когда неизвестность станет тем, что будет универсальным ключом. Когда прошлое станет лучшим проводником в будущее.

Приведу важный пример. Как тренер, я давно заметил, что главной причиной, по которой многие молодые ребята и девушки не могут удержаться в тренерской профессии – это именно мысль, что людям нужен тренер, который будет их заставлять тренироваться. Они думают, что быть тренером – это стоять рядом с красным лицом, что-то кричать, мотивировать, заставлять преодолевать. Да, к начинающему тренеру чаще всего обращаются люди, у которых есть тяжелый рабочий перегруз. Они подходят со словами: «- мы долгое время пытаемся заставить себя тренироваться. Мы начинаем, собираем всю волю в кулак, покупаем абонемент, тренируемся неделю, две, потом бросаем, и после этого чувствуем себя даже хуже, чем если бы не начинали тренироваться вовсе. Нам нужен тот, кто заставит нас на тренировке выкладываться». Они приходят после работы, уставшие, утомленные. И просят молодого и неопытного тренера заставлять их тренироваться. На фоне утомленной нервной системы сами просят, чтобы их прогоняли через преодоление, через интенсивность. И нервная система сдает. Молодые ребята и рады стараться, включаются в работу с полным энтузиазмом, заставляют, кричат, стараются быть похожими на тренеров с картинок модных журналов. И удивляются, почему клиенты перестают ходить. Они же заставляют, напоминают. Не понимают только одного: стресса клиентам на работе и в семье хватает. Людям на фоне нехватки времени и на фоне утомления нужен другой подход, который совместит в себе, казалось бы, то, что никак нельзя совместить. Системность. Чтобы тренировка

наполняла силами, давала бы бодрость. Чтобы тренировка не просто не требовала бы выделения отдельного времени, но чтобы она бы еще и усиливала бы качество всех остальных, привычных дел. В жизни только так. Правильный вопрос нужно ставить. «Как не бросать тренировки, когда мало сил и времени?» – это не совсем правильный вопрос. Правильный вопрос должен совместить в себе несколько вопросов, а именно: «Как выполнять за тренировку объем, в три раза больший, чем я выполнял раньше в зале, на самой интенсивной тренировке? Как сделать, чтобы этот втроекратно больший объем давался бы легко? Наполнял бы силами? Чтобы нам не приходилось бы себя заставлять идти в зал? Чтобы не приходилось при этом выкраивать время? И чтобы при этом еще эффективность была бы выше, чем привычные планы в зале? И как сделать, чтобы тренеру выгодно было бы работать с нами, при условии, что мы ему платим в 3 раза меньше, чем за привычную очную работу в зале?»

Ответ заключается в том, что не надо никого заставлять. Надо сразу говорить, что включаться в интенсивность на фоне тяжелейшего истощения и рабочего перегруза - это дело не выгодное. Если человек хочет выделять время и работать в зале с тренером – то ему надо облегчить тренировку. Надо учитывать, что человек пришел уставший. Нельзя его заставлять, прогонять через ад его тоже нельзя. Сделайте так, чтобы он выполнил бы за тренировку много, но вышел бы от вас счастливым. Чтобы он испытал бы радость от легкости и четкости исполняемых движений. Уберите интенсивность. Оставьте планку выкладки в каждом подходе такую, которая бы не заставляла бы человека выходить из границ комфорта. Выходить из зоны комфорта человеку и так приходится на работе. Он и так сделал важный шаг, он пришел в зал. Сохраните и приумножьте его силы. Лучшая схема – увлечь его. Или дать ему ощущение покоя. Или заинтересовать его интересным рассказом. Говорить с ним, если ему не хватает общения. Больше молчать, если у него на работе общения выше крыши. Следить, чтобы все человеком исполнялось бы технически верно. Тем, кто устал от планов – дать возможность не иметь план. Ходить по залу и делать то, на что упал их взгляд, что им захотелось. Один подход тут, один подход тут. Здесь немного, тут немного. Тут сделали, объяснили, через действие знания закрепили. Там сделали. Все строго в рамках комфортной выкладки. Но удивительный факт! С таким подходом люди чаще всего выполняют объем, который в два или в три раза больше их привычных тренировочных объемов. И они уходят счастливые, наполненные силами. Их нервная система отдыхает на тренировке. Организм связывает выброс

гормонов счастья с самим фактом выполненных движений. И именно в этом и есть самая главная задача на этом этапе! Полгода, год - тренируйте людей именно по такой схеме. Чтобы они полюбили сам факт похода в зал, чтобы для них работа в зале была бы наполнена активностью, отдыхом, чтобы для них зал стал бы отдыхом, отдушиной. Чтобы организм бы видел непрерывность строительного процесса, чтобы тренировочная сессия стала бы ритмом жизни. Сначала активность. А когда организм полюбит именно сам факт активности - человек полюбит спорт. А то, что мы любим – мы не заставляем себя делать. Если человек полюбит спорт, то ему не придется себя заставлять. Он обретет мощное сердечное устремление заниматься спортом, несмотря ни на что. Не будет для него преград.

Но есть более эффективный подход. Который дешевле для клиентов, но позволяющий мне, как тренеру, зарабатывать больше, за счет увеличения потока тех, кто у меня тренируется. Но при этом и за счет того, что увеличение охвата не будет осложнять работу, но и многократно ее облегчать. Дистанционное сопровождение, работа через интернет. Работа должна быть оптимизирована до предела. На большинство типовых вопросов должен формироваться и постоянно дополняться наиболее полный и обстоятельный ответ, раскрывающий принципы и уводящий от частных. Голосовые сообщения позволяют за один час надиктовать до тридцати полноценных тренировочных планов, которые создаются с учетом индивидуальных особенностей каждого клиента. После тренировки человек пишет отчет, в котором высказывает все, что посчитает важным, через эти отчеты вся работа постоянно корректируется, именно исходя из индивидуальных задач и особенностей каждого клиента. Видео выполнения упражнений позволяют контролировать технику. А самое главное – таким образом можно давать людям самое эффективное решение! Не выделять время на тренировки отдельно, а выносить тренировочный процесс в режим практики. Наполнять весь день движением. Зашли в лифт - присели 20 раз. Пьем кофе, пока он готовится – сделали упражнение. Сидим за компьютером – надеваем на ноги маленькую тренировочную резинку, и по возможности делаем с ней разведение колен, укрепляем ягодичные. Силы есть – разводим. Так можно совмещать работу и тренировку. И никто этого даже особо не увидит. И никаких проблем с поясницей, так как будет постоянный приток крови к тазу. Или еще лучше - совмещаем отдых и тренировку. Я готовился к горным походам именно так: включал дома сериал и делал зашагивания на тумбу. Все полтора часа, с рюкзаком, каждый день. Смотря сериал, совмещая отдых и тренировку.

Выбирал ритм, который позволял перешагивать все полтора часа без перерыва, не уставая при этом. Перешагнул, две секунды отдых. Опять, две секунды отдых. Так за полтора часа выполнялся невероятный объем работы, что позволило потом пройти за сутки пеший марафон по пересеченной местности, сто десять километров с рюкзаком в десять килограммов за спиной. Такой подход позволил подготовить себя в короткий срок к новому виду физической активности и выдержать первое в жизни восхождение на высшую точку невероятного и волшебного горного Алтая. Такой подход позволил обрести понимание непрерывного тренировочного ритма, когда наполняя день движением, мы в итоге совершаем без усталости, но наполняя себя силами, убирая сонливость – много больше, чем за час тренировки в зале. И просмотр сериала перестает быть праздным времяпровождением, а становится часом самосовершенствования. Очень многим людям помогло правило трех приседаний. Просто носим дома браслетик с напоминанием. Или вешаем везде бирки с напоминаниями. Увидели- присели три раза. Открыли холодильник- присели. Это очень легко. Всего три приседания. А если захотелось больше – присели больше, но ровно столько, сколько хочется. Но за день у некоторых набегает под сотню таких подходов, а если мы поставим задачу перевыполнять каждый маленький подход всего на одно повторение – суточный объем работы многократно повышается, без всяких усилий с нашей стороны! Синтез лучших решений. Совмещаем приятное и полезное так, что приятное стало приятнее, а полезное – и приятнее и легче и эффективнее. Жизнь позволит в любой ситуации из минуса сделать плюс. Сложить элементы так, что общее станет нечто большим, чем просто сумма. Жизнь позволит даже из полной неизвестности сделать универсальный ответ.

Есть моменты в жизни, которые делят жизнь на «до» и «после». Но есть всегда нечто большее. Это же жизнь. Бесконечная и удивительная жизнь. Происходят события, которые навсегда усиливают не только то, что будет, но и то, что было наполняющие новыми силами творить лучшее будущее. Такие события, которые создают нечто общее, объединяющее воедино. Что усиливает единство устремлений, что мощнее всех существующих противоречий. Что позволяет себя заслуженно ощущать победителем и верить в себя везде и всегда. И именно в этом ощущении и будет доблесть.

Я очень хорошо помню этот день, пускай и прошло много лет. 9 мая. Я стоял перед могилой неизвестного солдата. Рядом со мной стоял ветеран. Нечто невероятное было во всем его облике. Ему было много лет, но он не был старым. Рядом с ним ощущалась необъяснимая сила.

Он стоял и неподвижно смотрел на вечный огонь. И это было нечто большим, чем просто взгляд. Мне почему-то было очень важно стоять рядом, с огромным уважением созерцать вечный огонь. Почетный караул. Размышлять о том, кто есть неизвестный солдат. Вдруг, рядом раздались не очень трезвые голоса. Несколько пьяных ребят начали вслух размышлять, что неизвестным солдатом мог оказаться вовсе не русский. И даже немец. Что он мог погибнуть от первой пули, что он даже мог бежать не в атаку, а с поля боя. Что его случайно могли и свои убить. Ярость начала просыпаться сильная, еще немного и я бы точно сорвался, вышел бы из себя. Но я поймал взгляд ветерана, который жестом дал понять, что я должен держать себя в руках. Потом он повернулся к ребятам и двумя фразами привел их в чувство. Этот голос нужно было слышать. Этот человек точно не нуждался в помощи. Его не было жалко. Он не был слабым и старым. Это была чистая, спокойная и непреодолимая сила. Ребята извинились. И было понятно, что они не просто поняли, что были не правы. Они задумались и точно эти мысли их приведут к чему-то важному. А я понял, что должен подойти к этому человеку и задать вопрос, ответ на который и стало тем, что навсегда привнесло нечто большее во все дела будущего и навсегда изменило оценку всех дел прошлого.

- Извините, пожалуйста. Кем для вас является неизвестный солдат?

Далее приведен ответ. Таким, каким я его запомнил.

- Молодой человек. Пусть каждый последующий день вам будет в помощь, равную той искренности, с которой вы этот вопрос задали. Неизвестный солдат – это самая непобедимая сила на свете. Это солдат, объединяющий сердца. Создающий общую точку опоры. Это путеводная звезда, главный символ. Ты понимаешь, он может быть любой национальности. Белорус. Грузин. Русский. Украинец. Казах. Армянин. Не важно. Он победитель. Каждый, у кого погиб на войне родственник, может без всяких сомнений знать, что именно его деду, отцу, брату сейчас отдается воинская почесть. Для многих он может быть как спаситель. Спаситель взял на себя все грехи. И стал спасителем. А тут неизвестный солдат разделит страдания всего народа через этот великий символ. И целый народ стал победителем, освободителем. Целый народ. Погиб он в попытке прорваться из плена. Был он умелым воином или совсем ребенком, который взял в руки оружие. Успел он потрепать врага или погиб в начале своего первого и единственного боя. Или погиб он за

станком. От голода. От мороза. Не важно. Мне даже не важно, ребенок это, женщина это или мужчина. Это символ, мощнейший символ. Я сам воевал, умело воевал, но был пленен. Бежал из плена, мы огромной ценой заплатили за этот побег. После освобождения мне пришлось некоторое время работать в лагере, восстанавливая страну. И знаешь что. Бывало, у нас погибали люди на этих работах. И этот символ навсегда сделал так, что никто и никогда не сможет мне сказать, что это не моя победа тоже. Никто и никогда. Каждый мой товарищ, погибший в бою – это неизвестный солдат. Каждый мой товарищ, с кем приходилось в тяжелых условиях выживать и погибать в плену – это неизвестный солдат. Это мой товарищ, о судьбе которого я ничего так никогда не узнаю. Который ни на секунду не терял желания прорваться из окружения. Который ни на секунду не терял желания даже ценой своей жизни сломать хребет зверю. Это герой, сияющий герой, который ломал самую страшную военную машину со времен Александра Македонского. Герой, отдавший свою жизнь. Не дожил до победы. Но он внес самый весомый вклад. Свою жизнь отдал. Телом умер, но душой жив. Он голодал. Он бросался в атаку и ломал неприступную оборону. Он стоял насмерть перед легионом танков. Он символ, весь народ сделавший победителем. И тех, кто умер. И тех, кто жив. Он мой товарищ. Он Валера. Он Николай. Это Наталья. Это наш полевой врач, чьею имени я не знал, который погиб под артобстрелом. Это тот парень, чей взгляд я помню. Ни имени, ни фамилии. Рядовой, чей взгляд и улыбку я помню. За секунду до того, как его сразил наповал осколок. Он Никита. Он тот мужчина, который поделился со мной в плену супом и который через пару дней умер при прорыве из плена. И имени я его не знал. Это Виктор. Это мои одноклассники, которые не вернулись домой. Это моя беременная супруга, которую я так и не смог отыскать после. Это мой сын. Это моя дочь. Это тот, кто выдержал, несмотря ни на что. Он рядом. С ним можно поговорить. У него можно что-то спросить. С ним можно посоветоваться. Он тут, рядом. Как ты сейчас рядом стоишь, так и он рядом. Он всегда скажет, что у меня есть силы. Он всегда скажет, что нужно быть сильнее, умнее. Взрослее. Он тот, кто страдал и победил, тот, кого я люблю и уважаю. И кто точно искренне любит меня. Родную землю он любит. Он готов за нее драться и побеждать, несмотря на боль, холод, ранения. Он не задумываясь отдаст за меня жизнь. И моя задача сделать так, чтобы моя жизнь теперь не была бы напрасной. До последнего дня я ради моего неразлучного друга каждый день сделаю полезным, наполненным жизнью, смыслом, добрым делом, добрым словом, простым человеческим участием. Хорошим пожеланием. Он мой друг, который

отдаст жизнь. За свет, за единство, за общность. За то, чтобы все вместе, несмотря на национальности, несмотря ни на что, вперед и с песней бы шли... Он вот тут, как путеводная звезда, в сердце моем...

После этих слов Виктор Степанович, именно так звали ветерана, попросил, чтобы я написал ему свой почтовый адрес. И сказал, чтобы я ждал письмо. В письме он попробует сказать то, что мог позабыть сказать при встрече. Заказное письмо пришло очень быстро. И еще одно письмо, с точно таким же текстом, написанное от руки, старательно, красиво, ждало меня до востребования на почте. Жизнь невероятна и удивительна. И неизвестный солдат стал моим неразлучным другом. Неизвестный солдат стал светом, указывающим мне путь. Неизвестный солдат, совершивший бесценный подвиг. Бессмертная живая душа, имеющая бесконечную силу героя, готового стоять насмерть за любое правое дело. Он сделал так, что даже душа неотесанного солдатики, погибшего в своем первом бою, теперь имеет ореол победителя, освободителя. Никто не забыт. Свет победы прошлого объединит силы для победы Светлого будущего. Сердечная, бесконечная благодарность вам, Виктор Степанович. Огромная, сердечная благодарность тебе, сияющий герой. Неизвестный солдат. Чья победная поступь на сияющем параде будущей победы навечно в сердце моем.

Текст письма был мною немного дополнен.

... Когда нам очень тяжело и на душе становится темно – вспомните, что вы потомок великого солдата- освободителя. Что он стоит на страже, непрерывен его дозор, безупречно его стремление стоять за вас нерушимым щитом. Стоять вместе с вами за любое доброе и светлое дело. Он тот, кто будет вас ждать в самом страшном месте, чтобы помочь вам прорваться. Кто будет ждать до конца, забыв о себе, не замечая боли, преодолевая голод, холод, забыв о себе, не страшась тьмы. Он готов ждать до тех пор, пока в ветре будет слышать слабый отголосок вашего дыхания. Пока сквозь густой туман страхов и сомнений будет прорываться обрывок мысли, маленький лучик надежды, что кто-то где-то готов ждать просто потому, что в это так нужно верить. Ждать, потому что это правильно, правильно не предавать, держать строй, не бросать, подходить к мысли о благе другого с полной ответственностью, ждать, искать, драться, пока есть хоть предположение, что это позволит кому- то увидеть свет в конце тоннеля. Пускай все будет говорить о том, что это невозможно. Но он тот, кто выстоял, сокрушив ад. Он тот, перед кем миллионы раз ставился приказ делать невозможное после того, как

невозможное ему уже сегодня пришлось выдержать не раз и не два. Он тот, кто давно стал путеводной звездой, показывающей путь через невозможное, непреодолимое, через то, что страшнее, чем страх и опаснее самого зла. Он тот, кто будет верить в вас, любить вас до конца, после него и дальше, пока вы не вырветесь на свет. Он выдержит, он не умирает. Он тот, кто предопределил, что Свет уже победил. Где он, там невозможна тьма, вечный огонь его есть вечный свет. Одной мыслью о нем мы зажигаем маленькую свечку, уничтожающую темноту на многие километры вокруг себя. Иногда достаточно одной мысли, чтобы помочь себе и потом другим. Когда страшно. Когда больно и невозможно вздохнуть. Вспомните о нем. И вы ощутите, как станет легче и светлее на душе. Поверьте в него. Ведь он не переставал верить в вас. Читайте его попытки выйти с вами на связь между строк. Ловите его донесения в ветре. Ощущайте его мысль о вас в отблесках ночного костра, в пении птиц, в шелесте травы. Вместе с ним ничего не бойтесь. Вместе с ним вы всегда победите. Прислушайтесь к своему сердцу. Сядьте в тишине, попробуйте ощутить, услышать его звук. Сначала тихо. Потом громче. Потом еще громче ритм биения сердца вольется в ритм победной поступи сияющего героя, защитника нашего, солдата-освободителя на марше победы. Течет этот марш бесконечной рекой огромной гордости за свою Родину. Из побед прошлого в бесконечность огненного победного будущего. Вливайтесь в этот ритм, ощутите этот победный шаг, ощутите неодолимую мощь строя и чувства плеча. Через огонь своего сердца вливайте этот победный ритм в сердца тех, кому придется драться и побеждать в будущем. Пусть через этот ритм каждая клеточка нашего существа, каждый уголок нашей души хранит непоколебимую память о том, что возможна только победа. А там, где невозможно - стоит насмерть неизвестный солдат. И некуда ему отступать. Да и не отступит. И вечный спутник его – огонь победы. И нет надежнее щита. И нет большей радости всегда и везде, чем мысленно встать к нему. Плечом к плечу...

Надежда Соломатова

Женщина бальзаковского возраста

Понял я, что человек несчастен,
потому что счастья ищет он.

Евгений Евтушенко

Вечер. Фонари. Битый час по набережной бродит женщина бальзаковского возраста. В её глазах пустота. Ведь уже несколько дней она сидит на чемоданах и ждёт, когда ей придётся покинуть этот город, который за месяц стал её вторым домом. К сожалению, этот отъезд вынужден и необходим. На её малой родине, куда она должна будет отправиться, ожидает её приезда больная матушка – божий одуванчик, жизнь которой висит на волоске.

Женщина не была замужем, не имела детей и была разочарована в людях. Ей было присуще такое качество, как видеть людей насквозь. Возможно, именно поэтому её жизнь не удавалась. Сколько раз она вбивала себе в голову, что новый знакомый настоящий и принимает её такой, какая она есть. Этим самым она только обманывала себя и мучила воду в море своих чувств.

Неожиданно она услышала голоса. Обернувшись, женщина увидела молодую пару. Ей сразу же бросились в глаза счастливые лица юноши и девушки. Никогда не любящее за столько прожитых ею лет сердце сжималось от того, что ему не удалось стать счастливым. Женщина считала, что самое настоящее счастье – это любить и быть любимой, но, наверное, её время не пришло.

Не то, что бы она была белой вороной. Нет! Она была умна и недурна собою, но, начитавшись романов, она создала идеал мужчины, который всегда бы берёг её как зеницу ока. Увы, таких было немного-один на миллион. Конечно, у неё были ухажёры: маменькины сыночки или ещё хуже - молодые люди, которые умели только рассказывать бабушкины сказки.

О чём думала она сейчас? Мы можем только догадываться. Скорее всего, разочаровывалась в жизни. Приехав в Санкт-Петербург, она думала, что начнёт жить с чистого листа и не будет ворошить прошлое, но она опять ошиблась. Прошное постоянно преследовало её, от чего она так и не стала счастливой.

Взглянув ещё раз на уходящую в сумерках ночи пару, она улыбнулась. Хотя она и не была счастлива, но зато умела радоваться за других.

По приезде в свой провинциальный городок, она не успела увидеться с матушкой. Вторая, не дождавшись дочь, ушла, также как несколько лет назад ушла и женщина, надеясь обрести счастье в другом городе. Теперь она снова стояла, слегка держась за поручни родного моста холодным вечером, куда приходила в детстве в порывах рыданий. Ветерок слегка шевелил её волосы, напоминающие лёгкий огонёк, которого в свою очередь не было в её заплаканных глазах. Тусклый свет фонаря ещё больше придавал боли этой женщине, как бы говоря ей, что свет в её жизни появится не скоро. Она не жила, она... кто-то предположит, что она существовала, но он ошибётся, она заставляла себя существовать. Нет, она всё-таки любила жизнь, хотела жить, каждый день узнавать что-то новое, при этом радоваться легким снежинкам или холодному дождю, но ей это за свою жизнь доводилось испытывать очень редко, из-за чего она разучилась это делать.

Сейчас ей хотелось быть счастливой, впрочем как и всегда, но ей постоянно что-то мешало. Возможно, она сама, она сама придумывала себе сложности, не ценила то, что у неё было, всегда искала во всех происходящих с ней событиях то, что её точно могло навести на грусть. Только всё потеряв, она поняла насколько она была счастлива. От нахлынувшей боли слёзы снова показались фонарю. Приближающийся шум одиночной машины заставил её повернуться. Свет фар ударил ей по лицу.

Вы подумали, что её сбила машина, но нет, невозможно убить человека, который уже был мёртв. После осознания того, что счастье, которое она, как ей казалось постоянно ждала и искала, было с ней, но также ушло, как и её матушка. Она решила жить, жить без постоянных поисков, жить этой минутой, жить, словно она заново родилась, родилась совсем другим человеком. Прошлое осталось позади, в пропасти, из которой всё-таки ей удалось выйти.

Теперь она счастлива, что вы знакомы с ней уже много строк. Она счастлива, что она дома, что на улице дождь, а она греется на кухне, как раньше будучи ребёнком она с матушкой пила крепкий сладкий чай с горьким шоколадом. Пусть всё сложилось не так, как она мечтала, но, наверное, ей суждено было пройти этот сложный путь, чтобы осознать цену счастья. Осознать, что счастлив тот, кто не гонится за ним.

День. Толпа людей. Женщина бальзаковского возраста уверенным шагом направляется в кафе, где её ждут. Да, это не опечатка, её действительно ждут так, как она раньше ждала чего-то особенного, что могло сделать её счастливой. На её лице царит улыбка. Прошло много дней и ночей, после её возрождения, теперь она совсем другая.

Остановившись возле благоухающей цветами черёмухи, она, насладившись запахом чего-то свежего и чистого, осознала, что она счастлива, хотя до кафе её нужно было преодолеть несколько миль. Подарив улыбку миру, она продолжила свой путь. Прохожие улыбались ей вслед.

Полина Орловская

Ей было всего 10

Я посвящаю этот рассказ моим любимым родителям. Считаю это очень важным для наших взаимоотношений. Пусть этот отрезок жизни и стал тогда стеной между нами, но именно он научил меня любви и принятию, желанию быть нужной людям, видеть мир добрым и отзывчивым.

Очень люблю ВАС и скучаю.

Предисловие.

Жизнь, выложенная на бумаге, не передает той дрожи в теле и того чувства, что так неугомонно заставляет биться сердце, что не дает уснуть по ночам, что отяжеляет твою голову и делает существование осмысленным.

Суицид.

Когда-то в детстве мы с сестрой услышали историю, ее рассказала нам одна женщина. Уже неизвестно: кто она, откуда и почему она появилась в нашей жизни.

А история эта о бедной девочке лет десяти, которой мама поручила купить продукты. Купив хлеба в булочной, она зашла в другой магазин и, ни о чем не думая, набрала в корзинку недостающие продукты. На кассе потребовали заплатить и за хлеб. Девочка попыталась объяснить, что он куплен в другом магазине, но ей не поверили. Собралось много людей и уже они все обвиняли ее в воровстве. Никто не верил ее оправданиям. Растерявшись и ощутив беспомощность, девочка бросилась бежать. Слезы застилали ее глаза, но она четко видела перед собой высокий дом. Поднявшись на крышу, она еще стояла какое-то время и смотрела вниз. Она разбилась у всех на глазах.

Это все, что я помню. Маленькая история о девочке из нескольких строк. Но она изменила мое сознание, впечатала в память горе, которое так не значительно для истории человечества.

А в моей голове останется мысль-неправильная и ошибочная, но необходимая мне, такой еще наивной и запуганной...

Такой поступок дает осознать людям, что они были не правы! Это крик о помощи, и если я окажусь в тупике, я воспользуюсь страшным методом, выбранным моей детской, запутавшейся душой.

Первое чувство.

Когда мне исполнилось восемнадцать, у меня случилась первая любовь. Долгожданная, навеянная мечтой о чистоте и преданности, о красивых чувствах и представляющей собой то счастье, о котором грезила еще с двенадцати.

Мечты, мечты!

Все так легко разбилось!

Вернее это произошло не в один миг, но когда ты любишь - не можешь поверить, что с тобой может случиться беда. А когда видишь, что это конец, в голове всплывает мысль о единственном выборе. Ты носишь эту мысль в себе, готовишься и знаешь, что уже не свернешь. Я не знаю, что значила для моего мужчины наша встреча, но для меня она была любовью, настоящей, моей, выстраданной и такой ценной. Возможно, само чувство не выдержало тех надежд, которые я на него возложила. Я поняла, как важно быть аккуратными, бережливыми, с уважением и нежностью относящимися к чужим чувствам, ведь они вершат судьбу человека и становятся первым ее впечатлением. Они - будто вершина горы, к ней стремишься всем сердцем и, поднявшись, хочешь взлететь!

Но решение принято! Я ухожу...

Прощайте, мои любимые родители...

Я не хотела...

Но жить так больше я не могу

Нет! Никаких записок... просто уйти, спокойно, без надрыва...

Я беру в руки лезвие и пытаюсь сделать это, как слышала, как видела в кино... Но на деле выходит все совсем не так. Внутренности сжимаются и сердце стучит очень громко, мешает сосредоточиться... Страшно!

Я не смогла. Вспомнила о мамочке... моей дорогой и любимой. Это было ночью. Я под села к ней на кровать и позвала: Мама, прости меня, я порезала себе вены...

Медбрат со скорой спросил банальную, казалось, вещь: «Первая любовь?» Увидев ухмылку на его лице, я промолчала... Бедные мои родители!

Сначала они решили покрестить меня. Была зима и мои сорок семь кило-грамм веса не выдерживали этих морозов. Пальцы синели и не слушались, а тело дрожало от холода... В церкви былолюдно. Крещение продлилось недолго. Желающих собралось – человек двадцать. Батюшка встретил нас радушно и был благосклонен ко всем. Мы и крестную мать

нашли среди этих случайных незнакомых людей. На шею мне повесили серебряный крестик на длинной веревке. Он и согревал меня в больнице.

Обводный 28.

После крещения мы с папой поехали по адресу, который был не далеко от училища, где еще не так давно я училась. Помню тихие одинокие и темные коридоры, кабинет и человека, предложившего мне присесть. Мне не было страшно, хотелось просто домой, но я спокойно ждала, когда все закончится. Врач задал мне один вопрос: «Трудно жить?» Я без волнения ответила: «да». Он, молча, подписал бумаги и мы отправились в новое чужое место, дорога к которому занимала не больше часа. Местность показалось мне заброшенной и несчастной... (похожей на мою жизнь)

Закрытое.

Смутно припоминаю оформление в приемном отделении. Только – папины ответы на вопросы медсестры. И его слово: «закрытое».

Меня отводят переодеваться. Я снимаю с себя все. И одеваю чужую майку, колготки, халат, валенки и телогрейку. Да, и крестик, он со мной! Нам дают попрощаться. Я вижу папины слезы. Впервые в жизни. Я вижу, как ему страшно! Я не понимала тогда, что это было? Почему он плачет? Эта больница останется моей обидой на родителей на долгие годы и, хотя позже я приму это, как вынужденное спасение, как единственное решение для них, для меня оно послужит разрывом между нами и останется душевной раной, преткновением для понимания их чувств. Слово «закрытое» означало: закрытое психиатрическое отделение.

Больница.

Это решетки на окнах, это восемь прибитых к полу кушеток в палате без тумбочек, ибо все личные вещи находились у медперсонала, это туалеты без замков и дверей, это посуда без острых предметов, это контроль над твоим сном, прогулкой и мытьем в душевой и... люди. Они совершенно разные, но большинство из них тебя не слышит. Они слушают свои внутренние голоса. Они могут быть опасными, но не настолько, как покажется сначала. Взгляд в одну точку, покачивания, разговоры себе под нос приводит тебя в ужас. «За что? Почему я здесь? Это ошибка!» Кто-то всматривается в тебя, кому-то все равно, но находятся среди них и те, кому начинаешь доверять. Там была потрясающая женщина. Седовласая и строгая на вид, а во взгляде ее читалась тонкая душа. Глаза ее излучали столько тепла, что сердце ответило взаимностью. В этих чужих стенах я встретила близкого дорогого мне человека! Она окружила меня заботой и любовью. Ободряющие слова ее звучали так: «Терпи, Казак! Атаманом будешь!»

Благодарю Тебя, Добрый Человек! Ты навсегда останешься в моей памяти!

Почему со мной все это случилось? Что-то сломалось внутри, но оно сопротивляется гибели, кричит о помощи... тихо так кричит... а рядышком никого, только психиатр с вопросом...

Больница - это особая жизнь, по-настоящему несчастные люди находятся именно там...

А еще: это чайки! Их пронзительный, почти человеческий крик, вопль, он и зов, он и спасение, он - полет! Птицы всегда были любимы мной, я и себя рисовала птицей, свободно парящей в небесах. Меня окружали высокие заборы, но небо оставалось открытым. Его не загородишь!!! На прогулке я постоянно всматривалась в него и смотрела на летающих чаек, так громко кричавших. Они словно поддерживали меня и я улыбалась им в ответ. Слезы катились по моим щекам, но они были от счастья. Я знала, что придет тот день, когда я смогу вернуться домой.

Все это перевернет мое восприятие и даст мне веру в себя, и гордость, что выжила, что ушла. Да, это был срыв. То самое истощение, которое в мед учебниках называют нервным, но оно приблизило меня к себе и отдалило от обиды на весь мир. Я открыла ему сердце и распахнула свои объятия!

А еще я поняла, что когда с Вами нет рядышком близких и родных людей, всегда есть те, кого не надо считать близкими, они таковыми и являются.

И с надеждой и верой вновь
Я пойду по дороге любимой,
Сколько жизни она принесет,
Сколько силы, добра и мира!
Я наивный простой человек,
Не скрываю от Вас свои чувства,
Но мне нужен зеленый свет,
Чтобы в сердце не было пусто...
Та любовь, словно сильный дождь,
Поднимает меня с дороги
И я чувствую небо вновь,
Как любимого после разлуки...
Мои крылья! Они за спиной!
Подождите, немного осталось!
Чтобы птицей мне в небо взлететь,
Время и сила - самая малость!

1993

Антон Пудов

Пыль

Порой, при подготовке к экзаменам, приходят очень интересные идеи. Попробуйте себе представить: Вы (Ваше сознание) находитесь в комнате. Черный мраморный пол, в глубине которого виднеется рисунок, похожий на галактику, находящуюся за его гранью. Потолок теряется где-то вверх, в чернеющем мраке, даже непонятно - есть ли он вообще? Стен, колонн или чего-либо похожего на них нет и подавно. Однако, также, как в открытом космосе, нельзя сказать, что здесь темно. Как будто свет всё же доходит до этого места от далёких звёзд. Весь пол покрывает довольно толстый слой пыли, рассеивая призрачное, белое, холодное сияние... Но это лишь на первый взгляд. Если присмотреться, то становится ясно, что это либо большие снежинки, либо крупный пух. И много его..... Он лежит на полу почти ровным слоем. И, в конце концов, есть человек. Его фигурка совсем не вяжется с тишиной и величием этого места, но кажется, что только в ней и сосредоточена вся жизнь и движение этого пространства. В его руках есть что-то похожее на ... Веник? Метлу? А может, на что-то, чем смахивают пыль домохозяйки ?.. И этот человек сосредоточен только на одном: он бродит в этом пространстве и движениями своей метлы поднимает пух, лежащий на полу, в воздух. За ним, вверх, в темнеющий полумрак, поднимаются белые столпы мельтешащих пушинок, подброшенных воздушным потоком, разлетающихся, кружащихся... Покуда они в воздухе, свечение их остаётся всё таким же белым, но уже включает в себя небольшие переливы, проблески, скользящие по кончикам геометрических форм.

Но в этом месте никогда не было ни сквозняка, ни дуновения ветра, и, в конце концов, все они оседают на все тот же мраморный и темный пол... А человек все бродит, все интенсивнее размахивает своим орудием, поднимая в воздух новые снопы белого света. Вся эта благодать вихрями и фонтанчиками обтекает рукава и полы его одежды, кружится в воздухе рядом с ним... И вот уже, насколько лишь хватает глаз, в воздухе одно только белое мельтешение, как в самую снежную рождественскую ночь, когда снег валит крупными, неспешными, белоснежными хлопьями. Вот человек ушел бродить подальше, где-то там, и, откружившись, снежинки снова падают на пол... Но вот он возвращается и смешными взмахами рукавов, метлы снова поднимает их в воздух.....

Думаю, что таким вот образом можно представить себе нашу память. Если человек — мы, пушинки — образы, вопросы, мысли и идеи,

а пространство вокруг – и есть она сама. Тогда все, что кружится в ней – это то – что мы помним, но стоит перестать подбрасывать эти пушинки в воздух, как время делает своё дело – они падают, оседают и забываются, а мы – теряем лёгкость в доступе к этой информации, хотя она всё также продолжает где-то там существовать...

Возможно, так можно представить и всю нашу жизнь. А далее, порассуждать о том, своё ли у каждой личности это пространство, как они сосуществуют, соприкасаются и взаимодействуют с другими ли вообще, разбросано ли что-то на полу уже, когда приходит час и мы приходим в этот мир, способны ли они, со временем, быть привнесены в него ещё откуда-то? Возможно, в этих терминах «хорошая» и «плохая» память имеют разницу в том, что лучше она у тех, для кого эти пушинки почти совсем не имеют веса, и падают долго-долго... В то время, как, у кого-то, даже не пушинки, а, прямо скажем, кирпичи)

Ещё один забавный нюанс: пока фигурка бродит и поднимает в воздух пыль - она все больше разлетается. Время идет, и площадь, по которой он должен ходить – растёт, ведь пух всё больше разлетается... Чем мы старше - хуже память – ведь человек уже не успевает добежать из одного конца в другой - а пыль уже осела... И, в то же время, очевидно станет, что, усердно и точно работая на протяжении всей жизни, не разбрасывая эту пыль бездарно, а сохраняя её всю на сосредоточенной площадке, любой вполне способен к старости сохранить ясность рассудка и отличную память, не дать им разлететься далеко. Ведь то, что удастся это далеко не всем, нам говорит скорее о подходах к этому вопросу каждой личности, а не о сложности самой задачи.

Про небо

Однажды, инспектору по долгу службы пришлось прибыть в вахтовый посёлок на Ямале, воспользовавшись самой северной жд в мире Обская-Карская, целиком идущей по вечной мерзлоте. Сия командировка была последней перед отпуском и даже сильнейшая метель и ветер не могли омрачить весёлого настроения севшего в кабину теплового инспектора.

Оглядев простого парнишку машиниста и желая завязать разговор в пути, он спросил, - Как думаешь, почему небо голубое? Ведь наше солнце и рождающийся на его поверхности свет - белые.

- Да дело в том, - задумчиво покачивая в руках реверсивку, отвечал машинист, - что, распространяясь в космосе, свет не имеет на своём пути никаких преград. Но, достигая нашей планеты, он встречает на своём пути множество атомов и молекул газов, образующих атмосферу, и их количество тем больше, чем ближе мы к поверхности земли. Все они работают как призма. Рассеиваясь на них, изначально белый свет, разлагается на спектр из семи основных цветов, каждому из которых соответствует своя длина волны и свой угол отражения. Именно поэтому солнце, стоящее в зените, кажется нам жёлтым, а небо - голубым. Именно углы отражения света в нашей атмосфере расцвечивают наш мир привычными красками.

Например, на рассвете и закате солнце находится очень низко, и мы можем наблюдать тёплые цвета, которые под другими углами отражаются и уходят в космос безвозвратно. Но не вся атмосфера состоит из атомов инертных газов. В газообразном состоянии в ней пребывает великое множество различных элементов, некоторые из которых имеют собственные, неуравновешенные магнитные моменты. А как мы знаем, именно на полюсах планеты влияние магнитного поля наиболее сильно, поэтому на них и указывает стрелка компаса. В присутствии столь сильного поля при скользящих углах падения, на магнитных элементах свет испытывает более сложное взаимодействие, нежели простое рассеяние, что рождает ещё одно красивейшее атмосферное явление - северное сияние. Именно поэтому его можно наблюдать лишь вблизи полюсов нашей планеты, например, у нас на Ямале...

- Аа, ччёртова пурга! - Выкрикнул он вдруг, врезав по тормозам. - Чуть тюленя не сшибли! И, уже в приоткрытую форточку, крикнул убежавшему животному: - Давай давай, уноси свои лапы отсюда!

Н-да... думал про себя инспектор... Чё уж там северное сияние, если в России можно наблюдать таких машинистов...

Движение – Жизнь

Вам приходилось задумываться, кто в жизни задавал нам самые сложные вопросы? Разговорившись как-то между собой всем научным отделом, пришли к выводу... Наши дети. И сложность их вопросов в их же... Простоте. Ответь, отец, а почему трава зелёная? Ветер – дует? Снежинки такие? А на этот раз... Пришлось ответить парню, почему машина... Ест бензин?

Когда-то давно единственным доступным человеку средством передвижения были животные, и самые распространенные из них –

лошади и единороги (для тех, кто побогаче, (Духом, конечно)). И мы и они живые, и им также, как нам нужно есть, чтобы существовать, это неотъемлемая потребность всего живого. Но эволюция не останавливается никогда, и вот, мой друг, тебя уже совсем не удивляет такое средство передвижения, как машина. Передвижения.... Но как она это делает? Почему ест, если неживая? И почему бензин? Принцип тот же: нужна энергия, чтобы что-то сделать. Лошадям подходит трава, чтобы тянуть свой плуг. Тебе – каша, чтобы не протянуть ноги. А механизмы могут черпать энергию из всего, в чём она заключена, вопрос в эффективности и её количестве. Знаешь ли ты о настоящей Силе... бензина? Хм... Не знаешь...? Эй, кто-нибудь, немедленно продемонстрируйте её Человеку, лучше один раз увидеть! Покажите... К примеру, что-то из ютюба. Только эффектное, красивое и... творческое! Ну-уу... Взрыв восьмиосной цистерны с нефтепродуктами... подойдёт... пожалуй.

Это даст весьма осязаемое представление о силе и энергии, заключённой в этой бесцветной жидкости. А слышал ли ты выражение, друг, «у него под капотом 180 лошадей»? О, целый табун. Когда одна лошадь не справляется, впрягают ещё одну в помощь, а иногда, и до шести – восьми в упряжь. Но целый табун... Можешь ли ты представить себе, какая сила-а? Открыв же капот, ты не увидишь там ни одной, не то что сотни. Не думай, что тебя обманывают. Мы говорили с тобой, лошади, на то, чтобы поднять копыто, сделать шаг, нужна энергия. У машины нет копыт. Зато есть стальное сердце – двигатель, в котором – поршни. Их тоже нужно поднимать, чтоб двигаться. И тут – в помощь приходит та сила, которую ты мог увидеть. Под каждым поршнем этого большого сердца, в едином ритме и такте, в свой миг и час происходит такой небольшой взрыв – подбрасывая своей силой «железное копыто» вверх. И каждый раз, когда оно опускается и бьёт, взрыв раздаётся вновь. Представь бегущий табун из сотен лошадей... В сердце машины – моторе – эти взрывы подбрасывают поршни так же – как летящие копыта. И каждый поршень помогает вращать главный Вал. Из самого сердца он идёт в другую святая-святых – коробку передач. Что там? Ха, немногие в жизни были удостоены чести заглянуть в эту шкатулку мудреца. Доверху она наполнена драгоценностями – сияющими шестерёнками. Самоцветами небесных созвездий, в такой же полной тьме, как и сами звёзды, тесно идут они рука об руку, каждым своим шестерёнчатым выступом как бы подставляя плечо друг другу, поддерживая, подталкивая вперёд, служа единой цели: сохранить и передать момент. Великий... Момент... Аээ, в смысле, крутящий, у нас же там полный дифференциал в

числителя должен стоять, да? Кхм... Так вот, сохранить и передать так, чтобы вращение главной оси заставило вращаться все колёса. Один отломанный венчик или зубчик хоть одной шестерёнки – и всё... Титанические усилия держат они. Ибо сила их – в неколебимой дружбе, верности и преданности друг другу.

Откуда может знать о таких вещах механизм? У каждого из них был свой Творец. Мастер. И, создавая своё творение, он заложил в него частичку своей души, но отнюдь не потерял, а лишь приобрёл возможность, через своё творение, Служить – людям. И каждый механизм в своей ритмичной, слаженной работе хранит частичку или грань, отблеск того могущества, рождающегося в синтезе полёта творческой мысли – и физического труда, воплощающего её.

Не только колёса помогают вращать шестерёнки и главный вал. Движение – жизнь – которую разносят они и могучий трёхгранный ремень из стального сердца, места, где бензин не исчезает, но перерождается в неё, и эта энергия вращает катки, валики, шестерёнки, вдыхает жизнь в ротор и статор генератора, питает электроцепи и аккумулятор, зажигает огни и лампы фар, освещает путь.

Именно так, синтезом мысли творца и труда конструктора, энергия уничтожения обращается в созидующую силу – Движение. В Жизнь.

Ветер в лицо

Спросил ребёнок, почему ветер дует в лицо? Давай, сказал ему, сначала разберёмся, почему он дует вообще? Ветер – это поток воздуха. Иногда, в совсем безветренную погоду, воздух неподвижен. Обычно же он постоянно циркулирует вокруг и, вообще, спешит по своим делам. Но воздух – субстанция безвольная и вынужден подчиняться законам природы.

Уже сейчас ты знаешь, как много разных мест составляют собой наш мир. Где-то сейчас ползут свинцовые грозовые тучи, где-то сияет солнце, а чуть подальше – ласковый ветер треплет за макушки молодой лес, гоняя по нему шумные зелёные волны. Но, все эти места связаны. Поэтому, изменение обстановки в одних неизменно отразится на других. Например, в душном городе на улице поднялась температура, давление упало и перед дождём всем стало душно. Тогда незыблемые законы природы стремятся уравновесить эти изменения и вот, подчиняясь им, воздух спешит исправить положение дел, дует из-за города и принося с ветром облака. И чем скорее где-то... нужно всё исправить – тем сильнее он будет дуть.

А почему он дует нам в лицо? И тут всё просто: безвольный воздух не может решать сам, он лишь слуга сил более грозных и властных на земле. Но ты, мой друг, в отличие от него, обладаешь разумом и силой воли, поэтому сам можешь решать, куда ты хочешь и волен идти. Поэтому, даже если ветер спешит тебе навстречу, сгибая деревья и сдувая все на своём пути, ты можешь идти ему наперекор, потому что Ты.. и только Ты – выбираешь свой путь. Каким он будет.

И если ветер дует тебе в лицо, возможно, что он тоже хотел бы с тобой туда, куда сейчас шагаешь ты, но у него нет возможности – решать. А у тебя – есть. Всегда. Поэтому, сколь сильным бы он ни был, не забывай почаще улыбаться ему, ведь он всего лишь спешит по своим делам. Так же, как и ты.)

Владислав Мороз

В темноте

Илья задержался на работе до двух часов ночи. Фойе кинотеатра пустовало. Он думал о том, что хуже: убийственная давка в дни, когда билеты по сто пятьдесят рублей, или нервнирующая пустота перед закрытием? Зависит от настроения, решил Илья.

Где-то за барной стойкой прибиралась Маша. Со стен вели немой дозор застывшие кинозвезды. Илья знал их лица наизусть. Он лично помогал Магараму вешать все эти афиши.

В залах подходили к концу последние сеансы. На них приходил единицы. Бессонные одиночки и ночные бездельники. Сейчас они досидят до конца титров и побредут на поиски другого лекарства от своей хандры.

- Ну, пора домой. — с облегчением выдохнула Маша, финальным движением проведя мокрой тряпкой по блестящей поверхности стойки. Позади нее кислотным цветом мерцала на стене эмблема кока-колы.

- Схожу к Юле. Скажу, чтобы вызвала такси. - сказал Илья, - А ты пока переодевайся иди.

Маша сняла фартук и, выйдя из-за стойки, зашагала в комнату для персонала. Ему нравилось смотреть на нее сзади. На ее походку. На плавные, дерзкие движения бедер. Когда она скрылась за дверью, Илья направился по противоположному коридору. Там постучался в кабинет управляющего. Зазвучал противный, тонкий звук, который был известен всем сотрудникам. Он означал, что разрешено потянуть на себя дверь.

Внутри было темно. Только блеклый свет монитора освещал уставшее лицо и стол, заваленный папками.

- Какие там у вас адреса, напомни. — начала Юля и широко растянула рот в зевке.

Илья напомнил.

- Угу. Ну все, отметить в журнале и можешь идти переодеваться. Номер такси я тебе скину по вацапу.

- Спасибо. Удачи тебе тут.

- Мне уже ничего не поможет. Даже энергетики. Ты завтра выходишь?

- У меня три выходных.

- Вот же везунчик. Хорошенько отоспись за эти дни. Поспи и за меня тоже.

- Договорились. – сказал он и закрыл за собой дверь. В журнале он подписался и за Машу. Та уже ждала его, сидя на диване.

На улице шел снег. Они стояли на пустынной стоянке, засыпанной белыми дюнами. Илья курил и молча глядел, как в свете фонарей кружатся снежные хлопья. Эта картина будила в нем особую и приятную ночную меланхолию. Редкие автомобили выныривали из густого снежного полотна и, на мгновение сверкнув фарами, утопали в ночных далах безлюдных улиц. Маша что-то рассказывала Илье, но он слушал краем уха.

- ...классный клип. Очень красивый. Я уже давно слушаю Викенда, еще до того, как у него вышел альбом Starboy. Я вообще тот человек, который, наверное, содержанию предпочитаю форму. А его новый клип очень красиво снят. Эстетично.

- Сам трэк я слушал. Клип не видел.

- Посмотри обязательно, как приедешь домой. Может сначала показаться, что там вообще нет смысла. Просто череда красивых кадров. Но, если знать, о чем песня, то приходит озарение. Я просто перевод песни загуглила. – она виновато засмеялась. – Ты знаешь, как переводится название песни?

- Heartless? бессердечный. Вроде так.

- Да. Так что кароче...посмотри, пожалуйста. Клип реально очень красивый. Я тебя знаю, ты оценишь... - Маше уже не хватало воздуха, чтобы говорить. Сделав глубокий вдох, она продолжила: - Ну и где это такси? Я уже мечтаю, как буду заползать под одеялко. К моему Герману. Это кот, если что. Хозяйка квартиры была против, чтобы я заводила мохнатого друга. Но я оказалась плохой девочкой.

Илья достал из кармана телефон. Дисплей мгновенно засыпало снегом. Они ждали уже двенадцать минут.

- Приедешь домой, что делать будешь? – спросила его Маша.

Они встретились глазами. Сейчас, когда Маша стояла перед ним в бежевом пальто, тонкую шею скрывал шарф, а на распушенные волосы и ресницы ей опускался снег, эта девушка казалось ему неотразимой. Даже лучше, чем на фотографиях в инстаграме. Лицо, сохранившее детские черты, и глаза, что вселяли бодрость. Он не смог сдержать улыбку. Она улыбнулась в ответ.

- Не знаю. Приму ванную, поем, покурю. Позалипаю в экран телефона. Все как обычно. Не получается сразу уснуть. А тебе так неймется побыстрее приехать домой? Смотри как красиво. Я бы с удовольствием побродил где-нибудь. – сказал он.

- Да сегодня столько народу было, сдохнуть можно Ноги уже не держат. – сказала Маша. - А тебе что, хочется жить на этой работе? Как наш охранник?

Илья со смаком затынулся и пожал плечами. Выпустив в холодный воздух дым, ответил:

- Нет. Думаю, что нет. Но на работе мне хоть есть с кем поговорить.

- Так а что девушку не заведешь?

- А ты почему не заведешь парня?

На этом их разговор прервался. Из-за угла выскочило такси и завернуло на стоянку. Илья сверил номер автомобиля с тем, который ему написала Юля.

- Дождалась. Возрадуйся. – сказал он, кивнул на машину и зашагал к ней навстречу, когда та затормозила перед ними.

Он открыл дверь заднего сиденья, желая пропустить сперва подругу. Но Маша не двинулась с места.

- Что такое? – спросил он. – Полезай.

- А может поедем ко мне?

На секунду оба застыли на местах. Таксист сидел и заливался руганью от задуваемых в салон снега и холода.

- Может пошевелитесь, молодые люди? – спросил таксист. Илья его еще не увидел, а уже узнал в нем жителя какого-нибудь Дагестана.

- Да, правда, может пошевелимся. – сказал Илья. Маша села внутрь, и он захлопнул за ней дверь: видимо, слишком сильно и слишком громко, судя по бурчанию с переднего сидения,

- Прошу прощения. – сказал Илья и сел рядом с водителем.

В салоне было тепло и уютно. Они мчались сквозь снегопад, оставляя позади дома, в которых уже давно спали беззаботные души. Жизнь в городе замерла, ее засыпало сугробами. Они сворачивали с одной улицы на другую и уже оба пассажира не понимали, каким маршрутом их везут. Снаружи были только снег и мрак.

- Ну так что? – донесся до Ильи шепот. Он почувствовал на своей шее теплое дыхание. – Ты решил?

- Ты серьезно?

- Я слишком замученная, чтобы стесаться над тобой. – ответила Маша.

- Зачем?

- Мне кажется, так будет лучше. Сам же говорил... Я так подумала... Не хочу сейчас приехать домой и остаться одной. Лежать в кровати, не в силах уснуть, и думать о всяком. Все думать и думать, пока тебе совсем не станет тошно. Тебе разве этого хочется?

Он смотрел вперед, на бесконечное шоссе, на машину, которую они обгоняли.

- Если не захочешь, я не обижусь. – сказала она.
- Просто не стоит.
- Ладно.
- Прости. Не обидишься?
- Да ладно. Нет конечно. Клип хотя-бы посмотреть не забудь.
- Обязательно

Илья видел лицо Маши в окошке заднего обзора. Она надела наушники, откинулась на спинку сиденья и уткнулась в окно. Снаружи ничего не менялось - снег и мрак.

Она права. Так было бы куда лучше, чем приехать сейчас домой, где никто не ждет (у нее хотя бы есть Герман) и начать скалить десна от тоски. Греться с ней в одной постели, впитывать тепло другого тела – вот что классно, а не беспомощно отбиваться от хищных мыслей. Это отвратительные мысли. У них были острые клыки. Они бесшумно подкрадываются из темноты... и в момент, когда этого меньше всего ждешь, бросаются тебе на плечи, впиваясь в голову. Делали тебя слабым.

Но впервые Илье не хотелось ничего менять. Он уже знал эту историю наперед. В конце игры он молчаливо покинет эту чужую жизнь, оставив после себя только боль. Словно ужалила оса. Он столько раз так делал. То хорошее, что шло к нему в руки - сгнивало после их прикосновений. Но вот очертания на ладонях оставались. Илья больше не хотел ни до чего касаться

- Почему ты не хочешь ехать? – Маша сняла наушник с одного уха.

Сколько Илья себя помнил, он считал, что жизнь так безвкусна. Видя везде лишь серость, он хотел усеять ее яркими цветами. Но некоторые из них оказались ядовиты. Так он истратил всего себя, внутри опустело, и то полое пространство превратилось в городскую свалку.

Между печалью и небытием, я выбираю печаль.

Снаружи началась вьюга. Ветер гнал снег прямо в лобовое стекло их машины. Дворники, как маятники часов, двигались из стороны в сторону, не справляясь с напором. Водитель тихонько ругался себе под нос. Снег и тьма.

- Потому что мне скучно жить. – ответил Илья.

Не надо ее заражать своей скукой. А то она клыками вопьется и в ее голову.

- Не понимаю тебя. - ответила Маша. – Хотя... Нет, так нет.

Илья молчал. С тобой мне тоже будет скучно. Вот что он хотел сказать. Но не стал.

Вадим Мальцев

(г. Таруса)

Так звёзды велели

Бывает так – не повезёт в жизни, и начинает человек верить во всякую ерунду, выискивая смысл и подсказки во всём, что не имеет к нему никакого отношения.

Те, кто покрепче – помаются дурью маленько, плюнут на всё это дело, включают голову – и всё нормально, человек вернулся в мир потрепанным, но исцелившимся, готовым к выполнению ответственного задания.

Хуже тем, кто послабее. Их легко убедить в чём угодно, поэтому такие люди – просто находка для шарлатанов всех мастей. Впарить им никчёмный товар – не проблема, и совсем плохо, если человек попадёт в какую-нибудь секту, из которой выбраться, сохранив рассудок, дано лишь немногим.

Стасика Чесоткина нельзя было причислить ни к тем, ни к другим – скорее, он занимал промежуточную позицию, что тоже никуда не годилось. Вот сами подумайте – чего может быть хорошего в том, что ты вяпался по самые уши в очередную ерунду. За это на тебя можно смело вешать ярлык «слабого». Но то, что ты всё-таки выбираешься из этой ерунды, даёт тебе право претендовать на звание «сильного».

Такие истории часто случались со Стасиком. То ли физиономия у него обладала неведомым магнетизмом, то ли ещё что, но мошенники так и вились вокруг, норвя отщепнуть кусок от доверчивого тела.

Это произошло, когда Стасик меньше всего ожидал очередной напасти.

- Стасик, пока! - ошарашила его жена, - я уйду к Мочалкину – он и зарабатывает больше, да и лямур у нас с ним уже не первый месяц.

- Лика, ты совсем? Как давно это случилось? - удивился тот.

- Уже целый год. Я и не скрывала это от тебя – только ты вечно витаешь в облаках, ничего не замечаешь. Я думала, что ты – мужик. Догадаешься, устроишь сцену, ну напьёшься и уйдёшь, гордо хлопнув дверью. А заодно и меня избавишь от объяснений, но ты – тупой, как... как этот горшок, - выдала Лика и указала на цветочную вазу.

«Ничего себе, подарочек, - подумал Стасик, - а даже и к лучшему – пусть валит! Баба она скандальная, да и вообще - секунд хенд, но строит из себя хрустальную туфельку.

Правда, вслух, для порядка, сказал:

- Дорогая, а как же я? Вспомни те минуты, которые мы провели вместе, как мы собирали цветы в поле и целовались при луне. А помнишь, как мы ездили на море и там...

- ...Да пошёл ты! – огрызнулась Лика. Кстати, там, на море, я тебе тоже наставила рога – с Рахимом. Так что гуляй, олень ветвистый! – подвела итог, быстро собрала вещи и вытолкнула его из дома.

«Вот угораздило, - подумал Стасик, - но жить ведь надо! И жить не на улице. А пойду я к маме – буду у неё век свой коротать».

- Во всём виноваты звёзды, - заключила мама, выслушав его историю. - Ты когда появился на свет? Тринадцатого, да ещё в пятницу. По гороскопу ты – козерог. И что теперь удивляешься, что вечно попадаешь в переделки? А теперь ещё и с рогами – козерог, он и есть козерог.

- А Лика тогда как? – попытался сопротивляться Стасик, - она ведь тоже тринадцатого родилась!

- Твоя Лика – рак и родилась в понедельник. Вот и не удивляйся, что она тебе изменяет со всеми!

«Так вот в чём дело, - подумал он, - теперь всё, буду согласовывать свои действия со звёздами, раз они говорят правду!»

Началась новая жизнь. Стасик успокоился, и теперь постоянно прислушивался к мнению астрологов – благо в телеящике хватает подобного, да и газеты заляпаны «звёздными сводками», где известно всё и про всех.

Постепенно дела наладились. Трудовые успехи достигли максимума - за что его даже похлопал по плечу сам начальник, а прелестницы так глядели в его сторону, обещая повысить ветвистость рогов на несколько процентов.

А всё почему? Да потому, что он не начинал ни одного дела без совета звёздных вещателей - астрологов.

- Стасик, - говорили ему грамотные люди, - опомнись! Сейчас 21 век – пусть и самое начало, но ты должен знать, что звёзды не оказывают на человека никакого влияния.

- Стасик, - говорили ему другие, - у всех есть своя звезда, и там, на небесной тверди, она управляет каждым твоим шагом!

-А ну вас всех на фиг, - отмахивался он от советчиков и включал телевизор.

Это длилось недолго.

Однажды он смотрел свою любимую программу. На экране знакомая ведущая страстно вещала:

«Будьте внимательны козероги! В любви вас ждёт успех, в работе – удача, но подведение итогов отложите на завтра. Предстоит загадочное знакомство и приобретение, которое изменит вашу жизнь».

«Всё верно, - решил Стасик, - завтра так и поступлю».

Назавтра, придя на работу, он увидел Галю, которая, в общем -то не прочь была развить с ним отношения, при более умелом манипулировании ситуацией обещавшие перейти в тесный, пусть и временный, союз.

Но раз гороскоп обещал успех – значит, всё получится само собой! Стасик задрал голову и сдержанно поздоровался.

- Стасик, ты чего? – удивилась Галя.

- Привет, - быстро ответил он и сделал вид что уходит.

- Стасик, что с тобой случилось?

- Приходи ко мне после работы, - сразу перешёл он к делу, - я тебе покажу кое-что!

- Ах ты, извращенец! Так сразу и приходи? Да пошёл ты знаешь куда? Лучше с Колей буду лямур крутить – он хоть сводит в ресторан, угостит, прежде чем показать!

- Галя, да я не о том!

- Всё равно отвали – я обиделась.

«Дела, - подумал Стасик, - а ведь звёзды обещали успех! Не беда – один прокол ещё ничего не значит! Работу свою я выполнил – вторая часть гороскопа точно сбудется!»

Рабочий день подходил к концу. Ничего плохого не произошло, пока его не вызвали к шефу.

- Чесоткин, ты почему не доложил о выполнении задания сегодня утром, как тебе было велено?! - строгий взгляд начальника заставил Стасика вспотеть и вспомнить, что он, по велению звёзд, отложил эту задачу на завтра.

- Да я, Геннадий Васильевич, понимаете, - проблеял он, - всё сделал, но сегодня небл... неблагоприятный день.

- Какой неблагоприятный, - взорвался Геннадий Васильевич, - я что тебе велел позавчера? Выполнить и доложить! А ты?

- Понимаете, я готовил...

- Мне плевать, что ты там готовил! О проделанной работе я должен был отчитаться ещё утром. А сейчас уже вечер - теперь ты останешься без премии! Вон с глаз моих и чтобы до завтра не попадался!

«Что-то пошло не так, - расстроился Стасик, - звёзды не должны были ошибиться! Надо быть повнимательней!

По дороге домой он был до крайности осторожен, - ибо звёзды предвещали, но всё получалось не так. Не успел он переступить порог, как заверещал дверной звонок.

«Кого ещё там принесло, - подумал Стасик и открыл дверь».

На пороге стояла неизвестная дама средних лет, с большой клетчатой сумкой.

- Здравствуйте, - мило улыбнулась она, - я представитель медицинской фирмы «Путь в небеса» и предлагаю ознакомиться с ассортиментом нашей продукции!

- Не нужно мне ничего, - разозлился Стасик, - идите дальше!

- Как, - не обращая внимания на отказ, продолжала дама, - Вы не хотите приобрести у меня электронный прибор, который лечит все болезни инфракрасным излучением и магнитными волнами!? Это же новейшая разработка американских учёных - даже сам их президент пользуется этим чудом современной мысли! А может показать, как он работает? Бесплатно! Не понравится - уйду сразу.

- Ну, давай, - заинтересовался Стасик, - но покупать не буду!

Дама вошла в комнату и заставила его снять рубашку. Стасик подчинился и улёгся на диван, пузом в подушку. Незнакомка включила прибор, он заурчал, испустив яркое сияние.

Целительница провела прибором по спине, Стасик почувствовал облегчение. Приятные волны ласкали его тело, свет грел и исцелял от неизвестных болезней. Стало хорошо, быстро забылись проблемы - хотелось жить, петь и плясать.

«Вот оно, загадочное знакомство и приобретение, которое изменит жизнь, - обрадовался он, - на этот раз мне повезло!»

- Сколько стоит эта диковина?

- Вот видите – понравилось! – обрадовалась дама, - пятнадцать тысяч, но сегодня скидки и я отдам за двенадцать.

- Возьмите, - вручил деньги довольный Стасик.

- Удачи! – ответила дама и исчезла.

«Отличная вещь, - подумал он, - подлечусь немного, а то с этой работой совсем задержался – скоро кусаться начну. А ну-ка испробую ещё раз – после сегодняшнего дня мне необходимо расслабиться».

Внимательно изучив инструкцию, он снова улёгся на диван и включил чудо техники.

Прибор заурчал, засверкал огнями, два раза чихнул и замолчал навсегда.

Он повертел устройство, на всякий случай потряс, снова включил – ответом была тишина.

Вооружившись отвёрткой, он разобрал диковину – может отошло что?

Внутреннее содержимое прибора как то не тянуло на гениальность – несколько проводков, простенькая лампочка под ярким стеклом, и какая-то жужжалка. А рядом – бирка, на которой иероглифами было ясно указано место рождения диковины.

В довершение всего был опустошён тайник, в котором он хранил свои сбережения – кто-то там успел ловко пошарить, оставив от накоплений лишь добрую память и пламенный привет.

С этого дня Стасик перестал верить в гороскопы. Перемены пришли в жизнь.

Вадим Мальцев

Г.Таруса

Ворота, ведущие на кладбище

Калум впервые за неделю, что он в Девоне, выходит из дома сестры и спускается в город. Сегодня ей стало немного лучше, сегодня вернулся из Ирландии ее муж, сегодня Калум не очень-то в ее доме и нужен, чему он рад. Болезни угнетают, больные люди пугают своей бледностью, своими трагичными монологами перед сном и тяжелыми вздохами с утра. Калум бредет по городу, украшенному бумажными фонарями, свечами, тыквами и букетами пожелтевших, словно золотых, листьев, — все готовится к Хэллоуину, сестра Калума готовится на Хэллоуин умереть.

Калум бесцельно бродит по улицам, останавливаясь у разных лавок и магазинчиков, заходит в древний книжный, где пахнет пылью и плесенью, прохаживается мимо стеллажей, фыркает, когда видит томик собственных стихов, выпущенный в прошлом году, и снова выходит на улицу, чтобы дышать запахом свежей и печеной тыквы, яблок и травяного чая. Возвращаться в дом сестры совсем не хочется, поэтому он покидает городишко и выходит на дорогу к кладбищу, радуясь тому, что нет дождя. Погода в Девоне в это время куда лучше лондонской, да и здесь тише, спокойнее, хотя ночами страшнее и тревожнее, но это от слабого голоса сестры, который зовет его, как только он задремлет в кресле у ее кровати, это от ее черных безумных глаз, которые когда-то были такими же голубыми и яркими, как его собственные, это от тех слов, что она говорит перед тем, как заснуть, это от того, что бормочет ему про демонов священник, который приходит каждый день.

Ворота, ведущие на кладбище, приоткрыты, Калум вспоминает, что раньше, когда он жил с семьей в Хартфордшире, в их просторном доме на окраине деревни, из окон которого было видно старое кладбище и полуразрушенную часовню, мать всегда говорила ему и его брату, Джону, чтобы они в час перед сумерками сбегали к воротам кладбища и проверили, закрыты ли они, — это было ответственное задание, на которое они отправлялись с деревянными мечами, сделанными их отцом, они проверяли цепь и замок на ней, дергали за ржавые прутья, чтобы проверить наверняка, а потом со всех ног мчались домой, чтобы доложить родителям и сестрам, что все кладбищенские ворота закрыты, и им нечего бояться. Калум проходит на кладбище и шагает вглубь по каменной дорожке, покрытой опавшими листьями, недовольно ворчат вороны, и где-то мяукает кот. Калум бездумно скользит взглядом по надгробиям, кое-где, вместо имен, фамилий и дат жизни и смерти,

высечены из камня отдельные слова и строки из стихотворений. Простые надгробия сменяются каменными ангелами с распростертыми крыльями, охраняющими фамильные склепы и семейные могилы, на некоторых лежат засохшие и свежие цветы, кто-то принес тыкву и яблоки, которые уже наполовину склевали вороны, у босых ног вечных ангелов свечи полностью растаяли, растекшись по серому холодному камню. Калум останавливается и прислушивается – все так же ворчит где-то ворон и мяукает жалобно кот, но есть что-то еще, спрятанное за этими звуками и шелестом хрупких осенних листьев, кто-то говорит, повторяет раз за разом одно и то же. И Калуму кажется, что он знает этот голос, и Калуму кажется, что этот голос может ему помочь.

На одном из надгробий, прямо у ног ангела со сломанными крыльями, сидит Мирдрин и из гибких ивовых веток пытается соорудить венок для каменной головы, стоящей напротив него. В ее корзине – ворох цветных ниток и лент, сухие розы, желтые и красные кленовые листья, просто огромные, сухой вереск и хрупкая сирень, гипсофила и, кажется, даже растерявшие все свои лепестки ромашки. Мирдрин связывает три ивовые ветки между собой кольцом, достает еще ниток и лент, вплетает их в получившуюся конструкцию, приговаривая каменной голове: «Не переживай, будет красиво», – Калум на это только усмехается. На каменной голове в миг появляется основа для венка, Мирдрин добавляет листьев и цветов, бормочет что-то себе под нос, а когда заканчивает, то встает берет голову в руки и водружает на плечи сидящего на надгробии ангела, которого Калум сначала даже не заметил – у него тоже сломаны крылья, да и на руках не хватает пары пальцев.

– Вот так, – говорит Мирдрин. – Не так все и печально, да? Посмотри, какая красота, – Калум прислоняется спиной к стене одного из небольших склепов и не знает, как выйти из своего укрытия, пока Мирдрин разговаривает с ангелом. – А еще говорят, что мы варвары, да?

Все затихает, Калум смотрит туда, где пару секунд назад была Мирдрин, и замечает ее на дороге, ведущей к кладбищенским воротам, он выходит за ней и догоняет у одной из могил, на которую Мирдрин кладет оставшиеся в ее корзине засохшие розовые бутоны. Мирдрин улыбается вместо приветствия, Калум улыбается ей в ответ и ничего не говорит, зато Мирдрин выдает: «Надо же, я думала о тебе все два месяца, что путешествовала по стране, и, вот, мы снова встретились», – Калум продолжает молчать, только кивает, думая о том, что ведь и он вспоминал Мирдрин каждый раз, как открывал свою книжицу со стихами, где все еще хранил засохший вереск и рисунок ключа.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает, наконец, Калум, Мирдрин обводит взглядом кладбище и говорит: «Решила остановиться где-нибудь до Хэллоуина, здесь красиво и спокойно, большое кладбище, и окна комнаты, которую я снимаю выходят прямо в сад. Я приехала неделю назад, а ты?». – И я, – улыбается Калум.

– Что же *тебя* сюда привело? – они не делают ни шага к кладбищенским воротам, просто стоят на каменной дорожке, разделяющей кладбище на две части – старую, где сквозь могильные плиты проросли кустарники и молодые деревья, и относительно новую с простыми надгробиями при входе и склепами с ангелами, если уйти чуть дальше.

– Болезнь моей сестры, – отвечает Калум и вдруг чувствует необычайную усталость и тяжесть, он сдавливает своими холодными пальцами виски и часто моргает. Мирдрин берет его под локоть и ведет к воротам: «Идем, я тебя провожу до дома, тебе нужно отдохнуть, а завтра, давай, встретимся в городе у аптечной лавки около полудня, и ты мне все расскажешь», – Калум только кивает. На прощанье Мирдрин отдает Калуму свои сандаловые бусы, тот послушно надевает их на шею и, помахав рукой, уходит в дом.

Калум заходит в дом и сразу же идет в отведенную ему комнату, в которой он за все время своего пребывания здесь был всего пару раз. Он скидывает ботинки и падает на кровать, как только его голова касается подушки, он засыпает. Ему снится август, в котором нет вересковых полей и холмов, в котором нет Лаванды и шайки ее шелестящих юбок, среди которых, если присмотреться есть девушка так похожая на Мирдрин. Август, что снится Калуму, полный до краев, того и гляди разольется все еще теплым и ярким сентябрем, кругом – пряный, сандаловый, прозрачный воздух, которым Калум все никак не может надышаться. Что-то идет не так, что-то не дает ему покоя – то ли запах сандала, то ли чужой голос – Вот так... Не так все и печально, да? – и Калум во сне выдыхает: «Да». Ему снится бесконечная дорога и Мирдрин, идущая рядом в венке, том самом, который она сделал для ангела без головы, она без умолку говорит о короле Артуре и легендах, держит Калума под локоть и улыбается, Калум улыбается в ответ. И что-то идет не так, что-то не дает Калуму покоя – то ли теплое плечо под ладонью, которое он сжимает намеренно чуть сильнее, чем нужно, чтобы удостовериться, что Мирдрин с ним рядом, то ли лихорадочный шепот где-то на периферии полного до краев августа, которого, кажется, никогда не было, и совершенно реального девонского октября, который должен через две недели разлиться Хэллоуином и следующим за ним ноябрем.

Калум распахивает глаза и тут же снова жмурится от яркого солнечного света, что бьет в окно. Он смотрит на часы, показывающие половину двенадцатого дня, подсказывает с кровати, шипя от головной боли и, взяв в руки ботинки, сбегает вниз по лестнице.

— Ты будешь завтракать? — Гарри, муж его сестры, ловит его в коридоре, Калум смотрит на него безумными глазами и отрицательно качает головой: «Мне... Мне нужно в город, я скоро вернусь и обещаю, что сменю тебя сегодня, чтобы ты мог отдохнуть». — Не торопись, я посижу с Джейн. У тебя все хорошо? — и Калум на секунду замирает, прикусывая себе язык, чтобы не ляпнуть: «Лучше не бывает», но, в итоге, выдает лишь: «Не переживай, все хорошо. Я скоро вернусь».

Мирдрин сидит на скамейке у аптечной лавки и крутит в руках связку тонких белых свечей, она улыбается, когда видит Калума и говорит: «Мог бы не торопиться, я бы подождала», — Калум только качает головой. Они уходят на кладбище, проходят все могилы и все склепы с высеченными из камня ангелами, перелезают через низенький забор и по камням спускаются на луг, где, кроме воронов и мелких птиц, рыщущих в пожухлой траве, больше никого нет. Мирдрин достает из своего рюкзака завернутый в ткань пирог с тыквой и брусникой и бутылку с молоком, Калум смеется: «Что бы я без тебя делал?».

— Рассказывай, что там с твоей сестрой.

— Никто не знает, она просто болеет. Лежит на кровати и шепчет, шепчет, шепчет страшные вещи, говорит, что умрет в конце октября, иногда она нас не узнает, а порой так вцепится в руку, что пальцы не разжать, просит не уходить ночью, плачет и всхлипывает, так и сидишь у ее кровати до самого утра. Порой она воет, словно волк, а потом в припадке может разодрать ногтями себе все руки, плечи, шею и даже лицо, поэтому... — он на секунду замолкает. — Поэтому приходится ее привязывать к кровати. Бывают и хорошие дни, она сидит в постели, ее не раздражает солнечный свет, она читает и смеется, мы разговариваем, а потом, ближе к ночи, что-то в ней словно ломается, она подергивает плечами и головой, ее пальцы начинают дрожать, голос хрипит, ноги сводит судорогой, и она кричит.

— Она кого-нибудь зовет?

— Нет, просто кричит, а, когда говорит или шепчет, то практически ничего не понятно, только отдельные фразы.

— А что говорит врач?

— Врачи к ней давно не ходят, к ней ходит священник, — Мирдрин на это фыркает.

— Когда это началось?

– Когда она вышла замуж за Гарри, уехала из дома и поселилась здесь, пять лет назад.

– Она не выезжала отсюда ни разу за пять лет?

– Нет.

– Может, стоит вывезти ее? – хмурится Мирдрин и смотрит, как Калум дожевывает кусок пирога.

– Хочешь посмотреть на нее? – предлагает Калум. – Скоро придет священник, может, сразу после него, м? – Мирдрин кивает и все крутит в руках свои свечи.

Они возвращаются в город как раз в тот момент, когда старик священник, взбирается на холм к дому Джейн и Гарри, Калум и Мирдрин идут за ним, а у дома вместо того, чтобы зайти в калитку, обходят забор и влезают в сад. Мирдрин качается на качели, крепко держась за веревки, привязанные к ветке могучего дуба, Калум сидит чуть поодаль и что-то пишет в своей книжце. Кроме тихого скрипа качели и шелеста еще не опавших с дуба листьев, слышны истошные крики, доносящиеся до сада сквозь распахнутые во всем доме окна и двери. Калум вздыхает, когда подходит к остановившейся вдруг Мирдрин, та смотрит на свои колени и просто слушает чужой голос, срывающийся и горький.

– Тебя покачать? – шепчет Калум, Мирдрин вздрагивает и согласно кивает.

В коридорах дома Джейн и Гарри тихо и темно несмотря на то, что день в самом разгаре. Калум ведет Мирдрин лабиринтами коридоров и дверей, из которых иногда в поле зрения появляются люди – женщина в фартуке с пустым подносом или девушка с метлой. Мирдрин здоровается со всеми, стараясь поспевать за Калумом, который чуть ли не бежит впереди нее. У комнаты Джейн они останавливаются, сладко пахнет воском и ладаном, горько пахнет безумством и чьим-то чужим диким страхом. Они застают Гарри в комнате, он сидит в кресле, обхватив голову руками и качается из стороны в сторону, даже не замечая, что кто-то вошел. Калум кладет руку на его плечо и сжимает, Гарри только мотает головой, снимает свои очки, вытирает слезы, а потом поднимает голову, смотря на брата своей жены и Мирдрин.

– Позволь ей на нее посмотреть, – тихо говорит Калум, Гарри только встает и разводит руками: «Пожалуйста. Я буду внизу, попрошу приготовить чай».

Мирдрин обходит кровать, отодвигая полог, как только дверь за Гарри закрывается. Джейн лежит на белых простынях и подушках совершенно неподвижно, Калум вдруг думает: «Словно мертвая», – и

судорожно выдыхает. Мирдрин садится на край постели и внимательно вглядывается в лицо девушки, в тени под ее глазами, с точно такими же длинными ресницами, как и у Калума, кровоточащие губы, она, вероятно, постоянно их кусает. Она осматривает ее руки с подстриженными под корень ногтями, с синяками от собственных пальцев, ее волосы, темные с частой проседью в подвивающихся локонах.

– И что делает священник? – спрашивает шепотом Мирдрин.

– Читает псалмы, жжёт свечи и мажет ее лоб и запястья ладаном, потом ей дают немного теплого вина, она успокаивается и засыпает, – Калум тоже садится на кровать и смотрит на сестру. – Ты можешь что-нибудь сделать? – с надеждой спрашивает Калум, Мирдрин молчит, а потом говорит: «Ее муж ее явно любит». – Он – очень хороший человек.

– За всеми хорошими людьми, есть плохие.

– О чем ты?

– Как они познакомились? – Мирдрин смотрит, как на лице спящей девушки вдруг появляется легкая улыбка, она слышит их.

Калум рассказывает, что Джейн должны были выдать за друга Гарри, Уильяма, это был родительский договор обеих семей. Когда Джейн исполнилось девятнадцать, шесть лет назад, Уильям с родителями приехал свататься, прихватив с собой своего лучшего друга, Гарри, который влюбился в Джейн без памяти, она тоже в него влюбилась.

– Меня тогда не было, – говорит Калум. – Я был в Эдинбурге, только и делал, что получал письма от матери и Джейн, одна говорила одно, другая – совершенно другое. Я не мог уехать, письма все приходили и приходили, Джей тогда просила меня, как старшего брата, о помощи и поддержке, мать просила о том, чтобы я вразумил Джейн. Такая чехарда. Когда я смог вырваться из Эдинбурга, приехал домой, оказалось, что Джейн сбежала с Гарри, родители не знали куда, но Джейн оставила мне письмо в нашем тайном месте, родители и сейчас не знают, где она, это знаю, только я. Уильям повесился на кладбищенских воротах в ту же ночь, как Джейн и Гарри сбежали, а мать Уильяма...

– Прокляла вас всех, в особенности, Джейн, – закончила за него Мирдрин.

– Ты думаешь, это оно? Проклятье? – как-то сухо произносит Калум. – Попахивает готикой.

– Это ладан, – принимает Мирдрин.

– И что делать?

– Вам с Гарри нужно отдохнуть, а я могу посидеть с ней этой ночью, и не спорь, – отвечает Мирдрин и встает с постели. – Пусть она пока спит, я вернусь ближе к вечеру, если, конечно, Гарри будет не против.

– Я поговорю с ним и пришлю кого-нибудь к тебе с запиской.

Мирдрин приходит ближе к полуночи со своими белыми тонкими свечами и корзиной с ивовыми ветками и сухими цветами, ее встречает Гарри, который спрашивает, что она будет делать, та лишь улыбается и говорит, что ничего, сплетет для Джейн венок, поговорит с ней, если она захочет.

– А где Калум? – спрашивает Мирдрин, пока они с Гарри поднимаются по лестнице.

– Он сейчас с ней, сказал, что посидит и ночью.

Калум действительно говорит, что останется, они с Мирдрин даже спорят, за что Гарри выгоняет их из комнаты Джейн в коридор, в итоге, Мирдрин отправляет Калума и Гарри спать, говоря: «Вы же не хотите мне мешать?!».

Калум долго не может заснуть, встает с постели и пару раз обходит комнату кругом, прислоняется лбом к двери и все же выходит в коридор. У комнаты сестры он останавливается, под дверь, сквозь щель, в темный коридор просачивается хрупкий свет свечей, Калум подходит к двери вплотную и прислушивается, Мирдрин и Джейн разговаривают.

– А где Гарри? – спрашивает девушка, Мирдрин отвечает не сразу: «Он спит. Ему нужно отдыхать». – А Калум?

– Калум тоже спит, надеюсь, – усмехается Мирдрин.

– А ты кто?

– Я – просто Мирдрин.

– Просто Мирдрин, – повторяет Джейн, ее голос звучит слабо, но в нем нет ни намёка на истерику или боль. – И что ты делаешь? – спрашивает она с интересом, Мирдрин, вероятно, разложила вокруг себя свои сухие цветы и ветки.

– Я просто сижу здесь с тобой, разговариваю, плету для тебя венок. Какие цветы тебе больше всего нравятся? – и после этого вопроса Джейн пускается в рассказ о том садике, что был за их домом в Хартфордшире, где росли розы, за которыми она ухаживала с младшей сестрой, красивой этих роз не было ничего – бутоны были огромными, кремового цвета с оранжевыми и желтыми подпалинками на краях лепестков, они всегда были холодными и влажными от росы. Калум садится у двери и продолжает слушать голос сестры, словно и не больной вовсе, она рассказывает Мирдрин об их доме, о комнате, которую делила с сестрой, о Джоне и о Калуме, который будил их, играя на фортепиано на первом этаже, она рассказывает о воротах на кладбище и даже об Уильяме, что на этих самых воротах повесился, а потом все затихает. Свечи в комнате

гаснут, и Калум, сидящий на полу у комнаты, думает, что сейчас сестра снова закричит и заплачет, но ничего не происходит.

Калум заходит в комнату спустя час хождений по коридору туда и обратно, смотрит на кровать Джейн, где она мирно спит в венке, что сплела для нее Мирдрин, свернувшаяся калачиком в кресле. Калум достает из комода покрывало и укрывает Мирдрин, а сам садится в соседнее кресло и незаметно для себя тоже засыпает.

Калум просыпается с затекшей шеей и больной головой от голосов, Мирдрин разговаривает о чем-то с Гарри, который смотрит на свою жену в венке, сплетенном Мирдрин.

– Напишите письмо ее родителям, скажите, что она умерла.

– Умерла? – переспрашивает Калум, Мирдрин поворачивается к нему и говорит: «Нет-нет, просто так надо». – Родители сойдут с ума.

– Сделать это нужно прямо сейчас, обратный адрес не пишете, – продолжает Мирдрин.

– Мирдрин, родители сойдут с ума.

– Так надо, – повторяет Мирдрин. – Так надо... И не снимайте с нее венков, а еще не пускайте священника. Я приду вечером, – она выходит из комнаты, Калум встает и идет за ней, ловит ее у лестницы, крепко сжимая плечо, и вдруг голова идет кругом – под веками расцветает полный до краев август, Мирдрин, болтающая о короле Артуре, и тепло. Когда Калум открывает глаза, то Мирдрин уже нет.

– Черт.

Они с Гарри сочиняют письмо долго и упорно; в итоге, пишут лишь одно предложение, где говорят, что Джейн мертва, ставят дату и свои имена, как Мирдрин и сказала, обратного адреса не пишут, запечатывают письмо и отдают одной из служанок, чтобы отнесла на почту.

– А что, если она умрет? – вдруг спрашивает Гарри, слепо смотря в окно спальни, где на постели мирно лежит Джейн в своем венке из сухих цветов.

– Она сегодня не кричит.

– Она сегодня вообще в себя не приходит, – зло цедит Гарри, а потом поспешно извиняется. – Я просто переживаю.

– Я тоже, – бормочет Калум. – Я схожу в город, ладно? Мне нужно увидеть Мирдрин, – Гарри только согласно кивает.

Калум находит Мирдрин на кладбище у того самого безголового ангела в венке, в котором неожиданно путаются в лентах и цветных нитках не сухие цветы, а живые. Калум с пару секунд смотрит на эти

цветы, а потом замечает, что сколов и трещин на шее ангела нет, он дотрагивается до его головы и понимает, что она намертво стоит на его плечах. Мирдрин выглядит уставшей, но все же улыбается и пододвигается, оставляя место на надгробии для Калума, который тут же садится рядом с ней. Мирдрин, бледная и сонная, кладет голову на его плечо и хмыкает.

— Что это? — улыбается Калум.

— Ты же написал новые стихи? Может, считаешь мне сейчас? И куда ты дел гитару?

— Как-то не до гитары пока, — отвечает Калум и лезет в потайной карман за своей книжицей, из которой чуть не выпадает сухой вереск и рисунок ключа. Он читает вслух, пока Мирдрин, прикрыв глаза лежит на его плече и еле слышно дышит.

Священник приходит каждый день, слугам приказано не пускать его дальше столовой, куда к его приходу спускается Гарри, разговаривает с ним и пьет чай почти час, а потом спрашивает, пока Мирдрин и Калум сидят с Джейн в ее комнате. Она теперь только спит, Мирдрин говорит, что, чтобы жить (снова) нужно много сил, да и сон — лучшее лекарство. Они сидят у нее ночами по очереди: Гарри, Калум, Мирдрин, хотя в смену Мирдрин Калум приходит тоже, и они болтают до самого рассвета, пока их к завтраку не позовет Гарри, потом Мирдрин уходит на кладбище, а Калум идет за ней, чтобы положить ее уставшую голову к себе на плечо или на колени.

Близится Хэллоуин, и Джейн становится беспокойнее. Ее мучают ночные кошмары, она кричит и стонет во сне, зовет Гарри (когда она впервые это делает, Мирдрин ликует и улыбается как ненормальная, бежит будить Гарри и говорит ему, чтобы спал в постели с женой), она говорит и говорит про розы в хартфордширском саду и повесившегося на кладбищенских воротах Уильяма. Чем ближе Хэллоуин, тем хуже выглядит Мирдрин, она постоянно сонная и бледная, у нее в руках ничего не держится, она тяжело дышит, и даже не может держать глаза до конца открытыми.

— После Хэллоуина я уеду, — говорит она Калуму, обнимая диванную подушку в гостиной.

— Сразу? — Калум отрывается от настройки своей гитары и смотрит на ее осунувшееся лицо, Мирдрин кивает. — Может, останешься? Как мы без тебя? — Мирдрин на это только улыбается и засыпает, и снится ей играющий на гитаре Калум, сандаловые бусы на его шее и отголоски расплескавшегося осенью августа.

Город горит огнями и переливается, люди шумят, распевают песни и переодеваются в страшные наряды: женщины в ведьм, а мужчины в чертей. Они отгоняют злых духов шумом и криками, запирают на замок ворота на кладбище, на что Мирдрин только фыркает. Становится заметно холоднее. Гарри распускает слуг, и они остаются в доме втроем, не считая Джейн, которую снова пришлось привязать к кровати. Мирдрин предлагает провести ночь в спальне Джейн, они приносят подушки и одеяла, третье кресло, Мирдрин рассыпает на обоих подоконниках благоухающую соль, ее же тонкой прямой линией рассыпает по порогу комнаты и вокруг кровати Джейн, зажигает свои белые свечи, пока Калум и Гарри проверяют все ли окна и двери в доме закрыты.

Они долго слушают, как лают в городе собаки и поют песни люди, а потом в один момент все стихает, свечи в спальне Джейн одна за другой начинают гаснуть, шуршит одеяло – Мирдрин в темноте ищет руку Калума, вцепляется в нее пальцами и шепчет: «Спи». Напуганного Гарри она отправляет на кровать и тоже приказывает спать. Гаснет последняя свеча, в окно стучится дикий ветер, он завывает в каминной трубе и рвется в двери, он кричит и стонет, он зовет Джейн, пока Мирдрин, прижавшаяся к боку спящего Калума, повторяет: «Прочь, прочь, прочь».

Утро все никак не наступает, Мирдрин выбивается из сил от напряжения и страха, она слышит, как за закрытой дверью кто-то ходит, тяжело ступая по скрипучим половицам, она слышит, как кто-то зовет Джейн и ее саму, она слышит, как кто-то скребется в окно, но упорно не открывает глаза, упорно не выпускает руку Калума из своей и повторяет: «Прочь, прочь, прочь».

Спустя целую бесконечность ветер стихает, спустя целую бесконечность комната наполняется запахом свежих роз, спустя целую бесконечность Джейн открывает глаза и зовет Гарри, который смотрит в ее голубые глаза и улыбается, счастливо и устало. Спустя целую бесконечность Мирдрин выходит из дома на холме со своим рюкзаком, позабыв пустую корзину в спальне живой (снова) и здоровой Джейн. Ей бы не опоздать к отъезду почтовой кареты, ей бы поскорее уехать отсюда, пока Калум не спохватился ее искать.

Калум же вечером в своей комнате находит очередной рисунок, на котором изображена каменная голова ангела с венком на голове, и засохшую веточку сирени*, которую прячет в свою книжницу.

– Черт, – выдыхает Калум и падает на свою постель, прижимая книжницу к груди.

*Сирень – любовь.

Диана Фомина

Лавина жестокой дисгармонии

Стоял промозглый холодный октябрь и автобус, изрядно переполненный людьми, резко заворачивал на поворотах так, что даже складывалось впечатление, будто до дома доехать мне не светит. Да куда я денусь! Пятница, поздний вечер. Я наконец-то приехала домой, в свой родной маленький городок. Неделя учебы закончилась, и я была чрезмерно рада этому. Немного подустала и вымоталась, но не настолько, чтобы угрюмо вздыхать, как это делали мои попутчики.

Позади были скучные пары, поездка в трясущемся вагоне электрички, блеклые и невыразительные люди, доведенные до изнеможения студенты, возвращавшиеся домой на выходные... И вот, наконец, я еду с вокзала в автобусе, на котором оставалось лишь преодолеть путь до своей остановки и я доберусь до желанной цели. Все же это настоящее наслаждение — после длительной продуктивной недели учебы возвращаться домой, в родной город.

Деревья уже давно сбросили охапки желтых и багряных листьев, а прохладный ветер подбросил их и рассеял по серым улицам. Октябрь... Время, когда безумно хочется окрылиться новым вдохновением. Хочется созидать и творить. Рисовать или писать. Сочинять. Запечатлеть кадры на фотоаппарат. Чувствовать. Опустошить душу, вывернуть себя всего наизнанку! Найти источник упоения и, внимая ему, стихийно обрести гармонию...

Я смотрела в окно. За ним мелькали огни города, серые девятиэтажки, пекарни и магазинчики. Ночная автострада растягивалась, сменяя одни огни за другими. Бились о гранитный парапет проезжающие машины. Пейзаж расстился хоть и невыразительным, зато родным и надёжным для моей истомленной души. В наушниках играла приятная мелодия, мотив которой я уже начисто позабыла. Помню лишь то, что она как нельзя кстати выражала мое внутреннее состояние.

Я на достаточно длительное время засмотрелась в одну точку, куда-то вдаль за окном, что мои глаза машинально заслезились, ибо я долго не моргала, будто забыв, что это нужно делать. Вообразить нелепо... Однако, вытирая невольные слезы, я, наконец, вернулась из прострации в сознание и с изумлением оглядела салон автобуса, отметив, что он значительно опустел. И точно же, оставалась всего одна остановка. Что-то я замечталась.

Вытерев быстро глаза, я начала копаться в сумке в поисках кошелька, но взор мой совершенно случайно скользнул влево, на два соседних сидения. Я увидела Его... и затаила дыхание в рьяном удивлении. Он беспокойно смотрел в мою сторону, не потрудившись даже отвести взгляд. Я лишь отвернулась и прикусила губу в насмешке над самой собой, однако краем глаза все еще ощущала его тревожное внимание. Он видимо подумал, что я заплакала? Да нет же, я всего лишь... Ай, как глупо, ну и ладно.

Начисто позабыв об этой нелепой сцене, я вышла из автобуса, снова задумавшись о чем-то своем, и направилась в сторону своего дома. Напевая песню, играющую в плеере, и глядя на темное небо, я перешла дорогу. Лишь после этого я посмотрела вперед и обомлела, так и застыв на месте. Он шел впереди меня с дорожной сумкой, перекинутой через плечо, держась на небольшом расстоянии. Прямо по тому же пути, который мне оставалось преодолеть до своей девятиэтажки. Я фыркнула, но не стала останавливаться.

Он повернул голову вполоборота, словно пытаюсь незаметно глянуть на меня, и я невольно пришла в смятение. Ну чего Ему нужно? Я с вызовом зашагала прямо по его пятам, проложенным в сторону моего дома, и взмолилась, чтобы Он жил не в моем подъезде. Только бы не в моем подъезде! Не знаю, чего я так испугалась, однако ужасно не хотела этого.

Все же прошел мимо... Я выдохнула с облегчением и вошла в свой подъезд. Да уж, день действительно выдался ярким и нагруженным...

Вихрь повседневных дел, увлечений, рутинных мыслей, крутившихся в моей голове, загруженных дней и бесконечной учебы подхватил меня и унес куда-то. Неделя длилась долго, но вот, наконец, снова вечер пятницы. В этот раз я была более измотанной, чем в предыдущий. Но сил придавали только мысли о предстоящей фотосессии, которая принесет мне опыт в копилку развития в любимом хобби и немножко заработка. Не успев порадоваться этой мысли как следует, я выбежала из автобуса и тут же вытаращила глаза. Он... Он снова шел впереди меня. Я даже забеспокоилась, все ли у меня дома. Может я уже с катушек слетела и мне просто кажется?..

Я перешла дорогу, не отрывая глаз от его прямой ровной спины, стан которой точно вырисовывался даже под черной осенней курткой. Он, в свою очередь, повернул голову вбок и вскользь глянул назад. Да быть не может! Нет, это уже издевательство! Я заметила в его правой руке ту же дорожную сумку, явно набитую вещами. Неужели тоже студент с электропоезда? Ну и ладно, мне-то что.

Я лишь демонстративно прыснула, словно происходящее меня не касалось (хотя так оно и было!) и нырнула в подъезд. Вечно я надумую себе всякого, после чего мне становится стыдно за свое глупое воображение и отчаянные обрывки фантазий. Ну, обычный человек, подумаешь совпадение. Хватит уже с меня безумных мыслей...

Однако ровно через неделю, в следующую пятницу, начисто позабыв об этих ситуациях и выбившись из сил окончательно после длительных пар, я пришла на станцию. Непонятно почему я пребывала в свирепом настроении, вследствие чего швырнула сумку с вещами на скамейку ожидания. Немного успокоившись, я перевела дыхание, и блекло посмотрела на время. До электрички оставалось пятнадцать минут, и... я мгновенно вросла в каменную плиту, буквально остолбенев, когда взор мой скользнул чуть ниже часов, стоявших на перроне, и увидел Его... Молния, упавшая к моим ногам, не так поразила бы меня в ту секунду, как увиденное. Проклятье, я вспомнила всех богов на свете! Как такое может быть? Неужели Он тоже садится на этой треклятой станции? Немыслимо... Нет, правда. Почему из всех возможных десяти железнодорожных станций, вмещавшихся в этот крупный город, Он садится именно на той, откуда всегда уезжаю я!? Соседние дома в одном районе нашего маленького городка еще можно понять, но это...

По взгляду его отмечалось, что Он тоже меня узнал и был немного удивлен такому совпадению. Хотя я уже чертыхалась про себя в голове, начисто позабыв о насущных неприятностях в университете и в личной жизни. Между тем, октябрь уже перевалил за свою половину, и изрядно похолодало, так что вновь пришел час для моего черного пальто и длинного бежевого шарфа. Этот осенний поэтический образ долго сидел у меня в голове.

В вагоне я погрузилась в чтение, стараясь не думать ни о чем, и выбыла из жизни на два с половиной часа. По приезде в свой город, я забежала в автобус и плюхнулась на передние сидения, в надежде выбежать на своей остановке первой.

Так я и сделала. Не оборачиваясь, я быстро выскочила из автобуса самой первой, небрежно кинув водителю денег, и помчалась домой. Уму непостижимо, что за глупость... Вообразила себе, будто Он преследует меня, умереть и не встать можно. Это ведь обычное совпадение, не более. Ему вообще было абсолютно безразлично. Ненавижу себя за неистовые фантазии.

Тогда я не знала, к чему это приведет впоследствии, поэтому совсем не обратила внимания на странного прохожего, и лишь отметила

у себя в голове эту ситуацию хоть и неординарной, но вполне сносной и обыденной.

— Представляешь, со мной ехал парень в автобусе и почему-то смотрел в мою сторону... — через несколько дней поведала я о нелепом случае тогдашнему еще молодому человеку. — Когда я домой ездила на выходные, недели три назад.

— Брось, — усмехнулся тот, пережевывая печенье, — тебе наверняка просто показалось.

— Нет, говорю! — нахмурилась я. — Он смотрел на меня достаточно долго, мне не могло показаться.

— Да тебе вечно что-то кажется, забудь уже. — Отмахнулся тот. Я лишь вздохнула.

Мне изрядно надоела такая жизнь, и, пожалуй, спасение я находила только в поездках домой по пятницам. Мне иногда даже казалось, что поступала я в этот крупный город только для того, чтобы скучать как следует по родительскому дому и радоваться каждым выходным. А ждать их я начинала уже в начале недели. Ужасный город, серый и невыразительно-скучный. Чувствую себя в нем чужой, да и никто меня тут не держит, даже... неважно. Я просто устала от этого. Настолько устала, что решила закончить те глупые и бессмысленные отношения, тянущие меня словно бы на дно и не дающие вздохнуть свободно.

Да, этим мне и запомнились первые дни ноября. Конец отношениям, длившимся полтора года. Мне не было обидно или досадно, ибо я уже давно не любила того человека, и вообще начала сомневаться в том, что у меня хоть когда-то были настоящие чувства к нему. Мне лишь было жаль потраченных нервов и времени на все это. Только от этого было грустно. Еще я чувствовала себя опустошенной. Вдохновение, проскользнувшее было в мою душу с ворвавшимся потоком ветра промозглой осенью, тут же улетучилось, оставляя мрачность на сердце. Я не знала, в чем себя искать и чему посвятить. Ничего не хотелось. Только домой. Да, домой. Только это спасало от груза на душе.

Придя на станцию в обед пятницы, я стала ждать электропоезд. Только бы поскорее приехать домой и забыться от всего. Предстояли длинные выходные, потому что на понедельник выпадал праздник. Но даже это не веселило меня. В голове крутился последний диалог, в котором мне наговорили много грубостей, и весьма неприятный расход. Радовало только, что этот этап закончился, однако свободной я себя почему-то все еще не ощущала.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что до поезда оставалось пять минут, а Его все не было. Неужто несколько недельная традиция оборвалась? Вот так бывает, человек привыкает ко всему, и я привыкла уже каждую пятницу сталкиваться с Ним. И сейчас, когда на перроне Его не было, я невольно удивилась. Даже стала оборачиваться и взглядом искать знакомую фигуру, но тщетно. Кучки однотонных людей, бесцветные прохожие и тусклые попутчики, вовсе не похожие на него... Я непроизвольно усмехнулась одним уголком губ и продолжила вдыхать наступающий морозный воздух. Он не пришел... Подумаешь, на самом деле не больно-то и хотелось.

Тянулись безрадостные ноябрьские дни, и я, будучи глубоко погруженной в учебу, уже начисто позабыла того загадочного парня. Самый обыкновенный человек, простой прохожий, мне совершенно не было дела до Него, тем более, что Он больше не попадался на глаза.

И хоть мне нелегко дался разрыв прошлых отношений, однако я существенно ушла с головой в курсовые проекты, контрольные работы, домашние задания, хорошие оценки, чтение книг, оставляя место и для любимого хобби фотографа, конечно же. Незаметно для себя, я успокоилась. Сердце перестало трепетать в воодушевленном предвкушении, душа не требовала вдохновения, а я сама окончательно погрузилась в обыденность и рутину. В скуку. И я была даже рада тому, что мое внутреннее состояние перестало бушевать, а сердце больше не терзали тревоги.

В середине ноября, когда в жизнь ворвался морозный свежий воздух, я сидела на скамейке перрона в ожидании поезда. Огорчало лишь то, что сезон элегантного утонченного пальто закончился, и приходится теперь ходить в темно-синей парке и кутаться в шарф, прячась под зонтиком от дождя. Но радость принесло сегодняшнее занятие по курсовому проекту, на кое я явилась единственная из группы, вследствие чего уже заработала уважение преподавателя. «Ну и аншлаг!» — выразился он. Вот уж за что, а за этот предмет я точно не переживала.

Вдоль открытого перрона, уложенного каменной резкой плиток, располагались два ряда скамеек, приставленных спинками друг к дружке. Всего их было около пяти в каждом ряду, и я сидела на самой крайней, что располагалась под крышей. Было холодно и свежо, но зато прикрытие спасало от морозящего дождика. В наушниках тянулась приятная безмятежная мелодия, под которую я даже прикрыла глаза, покачивая головой.

Душевное спокойствие наполняло меня, в голове царил полный штиль. Я ненароком посмотрела влево, скользнув взглядом меж

ожидавших попутчиков. Мое сердце стремглав подпрыгнуло и совершило тройной кувырок! Я увидела Его... Губы невольно расцепились в удивлении, а я так и застыла, глядя на его силуэт. Он стоял поодаль, рядом с первой скамейкой ожидания, и вдыхал ноябрьскую свежесть, вскинув голову вверх. Черты его загадочного лица, таинственный образ... Бледный тон кожи. Голубой цвет глаз, балансирующий спокойствие и задумчивость, цвет гармонии... Я смотрела на его красивый и сдержанный профиль, не отрывая взгляда. Он казался персонажем книги, сошедшим со страниц... Героем неразгаданной повести... Его неимоверный безмолвный облик выделялся на фоне беспечно шагающих прохожих, совсем не походивших на Него.

Холодный поток ветра отрезвил меня, и я тут же смущенно отвернулась, уткнувшись в железнодорожные пути, уходящие вдаль. К счастью Он не заметил моего чрезмерно нагловатого внимания, и продолжил всматриваться в темное небо. Моросящий дождь словно не был помехой для Него.

Я тоже вскинула голову вверх. Туманная дымка заслоняла собой блеклые звезды. Я сжала кулаки и постаралась вернуть себя в разум. Чего это я вдруг?... Однако сердце продолжало трепетно биться в непонятном мне волнении.

Когда объявили электропоезд, я встала и прошла к краю платформы в ожидании. Все что осталось в моей памяти — это огни вдалеке, отражавшиеся в зеркальных рельсах. Звук приближающегося состава. Дождь, отбивающий ритм по зеленому клетчатому зонту. Поток вихря, взъерошивающий волосы. Прохладный вечер, будоражащий нежную кровь. И... его фигура совсем рядом. На мгновение мне показалось, что мы одни в этом мире...

Вернувшись в разум, я немного удивилась, ведь перрон был достаточно длинным, но Он почему-то встал рядом со мной в ожидании подъезжающего поезда, хотя до этого нас разделяли четыре скамейки. Однако я больше мысленно не возмущалась непонятным совпадениям, напротив, какая-то часть меня будто окрылилась этой очередной встречей.

Трясущийся вагон унес меня в мой родной городок, и я забылась чтением и музыкой на два с половиной часа. Только изредка поглядывала на его ровную спину, осанка которой практически не колебалась. Я усмехнулась: что за череда совпадений, ну надо же. Одна станция, поездка в одном вагоне, затем в одном автобусе до общей остановки, и

путь до дома. Правда жили мы в соседних домах, но в каком именно жил Он — я не знала.

О, окончательно с небес на землю меня вернул переполненный салон автобуса. Тут-то я вспомнила об обыденной реальности, совершенно расхोдившейся с мечтами и книгами. Давка была ужасающей, и я с трудом протиснулась в конец салона, где было более менее посвободнее. Однако я чуть было не споткнулась, когда схватилась за поручень и увидела Его прямо перед собой!

Он стоял буквально в шаге от меня, держась за ту же самую опору. Слишком близко. Бессознательно взор мой столкнулся с его взглядом, и я смущенно отвернулась. Мне не хватало воздуха, тело окатил снопом мурашек, а ладони импульсивно задрожали. Как можно улыбаться одними глазами?.. Нет, правда. Совершенно спокойное, ровное — не побоюсь сказать печальное — выражение лица, вот только взор чистых голубых глаз сиял, словно выражая улыбку. Да еще вдобавок ко всему болотного цвета парка, темные взъерошенные волосы, бледная кожа без единого изъяна и слегка обветренные щеки — будто знал, как подчеркнуть свои глаза...

Дорога до дома прошла в беспмятстве, на одном дыхании. Я будто действительно забыла, как дышать и мыслить. За окном мелькали серые улицы, освещенные фонарями и автострадой. Глаза резал яркий зеленый свет вывесок, постепенно сменявшийся тусклым оранжевым. Я держалась за поручень спокойно и непоколебимо, дыша ровно и уткнувшись в одну точку. Однако внутри бушевал шторм, безумное воодушевление, сумасшедшая одержимость! Моего сердца коснулся визит музы и окрылил меня.

*...Avalanches of the violent disharmony
From the coma I'm woken and I'm walking
In the cover-up of disgraceful abuses
Avalanches of the violent disharmony...**

Скрипка словно играла на струнах души... Мотив песни, монотонно звучавший в наушниках, как нельзя открыто выражал мою внутреннюю субстанцию. Плавная мелодия постепенно окрыляла мое трепещущее сердце, унося куда-то далеко от реальности, а строки песни воспламеняли душевный порыв.

...Лавины жестокой дисгармонии...

Из-за толкучки в набитом салоне, мы стояли с ним слишком близко. Так близко, что рукава наших курток слегка касались друг друга. А когда

автобус поворачивал неожиданно резко, я невольно осязала прикосновение его плеча даже через плотную ткань одежды. Я думала, что сойду с ума, прежде чем доберусь до дома... Я не понимала, что за чувства настигли меня в тот момент. Чувства, которые будоражили кровь, опьяняли мысли и будили необъяснимое волнение. Думала ли я о том, что влюбилась? Я совру, если скажу, что нет.

Выходила я из автобуса не спеша и перешла дорогу, держась поодаль от Него. Он снова шел впереди меня, находясь на значительном расстоянии, а я смотрела на его ровный точёный стан и прямую спину... В ту секунду обрывки причудливой писательской фантазии настигли мои мысли, переплетаясь между собой и создавая новые безумные сюжеты, в коих я не сознаюсь даже под страхом смертной казни.

Я не отрывала глаз от его аккуратного профиля. Да и как тут не посмотришь, если шел Он прямо впереди меня. Это было непонятно и нелепо. Я с трудом сдерживалась, чтобы не броситься, не схватить за руку и не закричать: «Кто ты? Как твое имя?». Заставив себя унять томную горячность и необузданный пыл, я все же кое-как открыла дверь подъезда, с трудом прислонив трясущейся рукой ключ к домофону, и забежала внутрь. Остаток вечера я пролежала лицом в подушку, прокручивая воспоминания в голове и анализируя собственное поведение. Мне не хотелось ни есть, ни спать — апатия настигла меня. Я не понимала, что со мной творится и как это обуздать, однако забыть его я теперь не могла.

Наступил декабрь. Я стала ждать каждую пятницу... Я поняла, что одержима Им. Да, одержима. Я не знала, кто Он. Не знала его имени и ни разу не слышала его голос. Я никогда не встречала Его на улицах нашего района. Даже не знала, в каком именно доме Он жил, потому что ни разу не сталкивалась с Ним во дворе. Не натыкалась на Него также ни в продуктовом, ни в книжном, ни в аптеке. И никогда не попадалась с Ним в электропоезде по воскресеньям, когда нужно было возвращаться обратно на учебу. Про крупный город, в котором я проводила будни, и речи быть не могло.

Словно Его никогда и не было... Я даже начала задумываться, может я просто сошла с ума, и мое больное воображение отчаянно выдумало Его? Однако каждую пятницу, раз в две недели, мы ездили в одном вагоне электрички в наш родной городок, а после в одном автобусе до самого дома.

Его загадка притягивала меня, не давала покоя. Меня не столько поглощал Он сам, сколько его таинственный образ. Он действительно

был словно персонажем, пришедшим со страниц книги. Совсем не походил на обычных изнуренных студентов, что ездили со мной в электричках сотнями.

Сейчас я пишу об этом открыто, потому что осознанно выражаю чувства в строках и отчетливо понимаю то внутреннее душевное состояние. Но тогда я боялась в этом признаться даже самой себе, однако не отрицала, что ждала каждую пятницу с нетерпением.

Я даже не хотела знакомиться с Ним и тем более узнавать, кто Он такой. Мне было достаточно просто видеть Его. Ехать с Ним в одном вагоне, изредка поглядывая на его рельефный задумчивый профиль, печально смотрящий в окно. Потом и в одном автобусе. А после идти домой, шагая поодаль от Него и гадая, как Его зовут, чем Он живет, в каком университете учится, какую музыку слушает, любит ли читать, есть ли у Него собака... Он тоже замечал и узнавал меня каждую пятницу, но никогда не заговаривал со мной. Значит, Ему было либо безразлично, либо тоже достаточно одной тайны. Конечно же, я держусь первого варианта.

Я была счастлива тогда. Он был для меня упоением. Он был для меня неразгаданным образом моих фантазий. Был моей тайной. Был лавиной жестокой дисгармонии, накрывшей меня. Драконом, воплощающим агонию безудержного полёта внутри. Он вдохновил меня жить и воодушевил писать. И я благодарна Ему за то, что Он, сам того не зная, окрылил меня и воодушевил на новые свершения. Я была счастлива ждать каждую пятницу, только чтобы увидеть Его.

Но я не позволяла своей любви выказаться наружу, и тем более не позволяла себе хоть как-то потревожить Его этим; однако, если взгляды могут говорить, то и круглый дурак догадался бы, что я отчаянно влюблена. Возможно, я слишком возвышаю и приукрашиваю Его, но за те моменты наших встреч Он никогда не делал и не говорил того, что омрачило или же опустило бы его сдержанное поведение. Это меня и восхищало в Нем.

Однако вскоре Он перестал приходить. Он ушел вместе со снегом, также тихо и безмолвно, как и ворвался в мою жизнь однажды. Так и закончилась история, и настал конец тому периоду. И я знала, что рано или поздно все заканчивается. Ведь, что однажды началось необыкновенным образом, должно также и закончиться. Полюбить человека, которого не знаешь... Что может быть глупее и нелепее. Непонятно почему в мыслях всплыли строки из произведения Ремарка:

«— Я тебя люблю.

— Но ты же меня даже не знаешь.

— А какое это имеет отношение к Любви?»

Больше я Его не видела. Я приходила на станцию каждую пятницу и пыталась найти Его, незаметно скользя взглядом меж тусклых и блеклых людей. Каждую пятницу я уезжала в разное время, чтобы хоть раз поймать Его. Но Его не было среди ожидавших на перроне пассажиров ни утром, ни днём, ни вечером. Будто и не существовало вовсе...

Я очень хотела нарисовать Его или запечатлеть волшебные кадры с его участием на свой фотоаппарат. Но смогла только сделать героем своей повести. Хотя, какая это повесть — я всего лишь нашла неидеальную форму для своих идеальных мечтаний.

Но единственное и самое лучшее, что я могу сделать для Него — это не попадаться ему на глаза и никоим образом не беспокоить. Самым правильным будет просто отпустить. Поэтому я научилась быть благодарной и счастливой, и просто отпустила. Отпустила и искренне пожелала счастья. Я не знаю, что у Него за жизнь, и какая судьба, но я очень хочу, чтобы Он был счастлив. Я благодарна Ему за те безумные, но в то же время трепетные, вечера. Благодарна за то, что он спас мою истомленную душу однажды и вдохновил жить.

...мы танцевали под снегом хрустального декабря, в агонии наших душ наши сердца были единственным ответом...

Я знаю, ты не увидишь эти строки и не узнаешь о моих чувствах, и как бы больно ни было осознавать это, но... Мое сердце все равно будет помнить тебя всегда. Память о тех томительно-незабываемых осенних ожиданиях всегда будет жить в моем сердце. Впервые я полюбила осень... Я полюбила ноябрь. Я полюбила ту невыразительную станцию и долгие поездки в электричках. Я полюбила все, что связано с тобой.

Не знаю, увижу ли я тебя когда-нибудь вновь, но... Столько времени прошло, и хоть сердце уже успокоилось, однако забыть тебя оно не сможет. И если бы мне дали шанс переписать судьбу, то я все равно бы вернулась в те холодные ноябрьские вечера, даже зная, что будет ждать впереди. Но может быть однажды, когда-нибудь, мы обязательно будем снова ждать наш поезд, который унесет нас в родной край. Когда-нибудь...

октябрь 2019 — декабрь 2019

*Текст песни IAMX — Avalanches

Эйфория души

Красота — это не высокий рост и крепкое атлетическое телосложение. Красота — это ровный точеный стан, осанка которого практически не колеблется. Это не выразительные рельефные мускулы, а прямые нежные плечи, тепло которых чувствуется даже на расстоянии. Красота — это вовсе не мужественная брутальная натура и пылкая амбициозность. Это спокойный умеренный нрав, излучающий невозмутимость и трепетную уверенность в каждом последующем шаге. Красота вовсе не в обаятельном шарме и очаровывающей харизме, она в неизменном равномерном поведении, не позволяющим сказать или же совершить то, что омрачило бы его. Красота — в безропотной сдержанности, в нетвердой, но решительной, походке, смело ступающей вперед.

Красота — это не безупречный роскошный загар с идеальным тоном без единого изъяна; это естественная, словно белоснежный фарфор, кожа, источающая прозрачным отблеском. Это обветренные щеки и слегка шершавые губы. Это не стильная модная прическа, а непослушные взъерошенные на ветру волосы. Это маленькая, едва заметная, родинка над уголком рта и насупившиеся брови.

Красота не во властном устойчивом взгляде, а в чистых бездонных глазах, взор которых балансирует спокойствие и гармонию. В глазах, что улыбаются, в то время как выражение лица остается ровным и спокойным. В беспощадно-великолепных глазах...

Красота — это не элегантность и гордый силуэт; это аккуратный печальный профиль, задумчиво смотрящий вдаль. Это безмолвный упоительный облик, выделяющийся на фоне однотонных бесцветных прохожих. Красота — искусство исчезнуть вместе со снегом; также тихо и безмолвно, как и однажды ворваться в жизнь с порывом осеннего ветра. Красота — это непостижимая загадка, которую никогда не разгадать. Это целиком и полностью ты...

Евгений Колобов

Сапоги вишнёвого цвета

Бронетранспортёры «Скаут» летят с максимальной скоростью. Веситаев смотрит вперёд вправо, я вперёд влево, каждые полчаса нас подменяют опытные разведчики

Гладкая степь, никого и ничего. Тишина. Справа на пределе видимости пыль.

Тревожно.

Пыль двигается параллельно. Наши.

Сопка впереди. Объехали вокруг, послал пятёрку разведчиков на вершину, никого.

Что за ерунда! Воевать кто-нибудь с нами будет! Я пострелять не сильно стремлюсь, но полное отсутствие противника сильно напрягает. До обозначенной точки добрались за полдня, можно ещё столько же проскочить до темноты, но Шпорт приказал действовать по утверждённому графику. Стали, начали окапываться.

Мне делать нечего, решил сходить на речку, может, искупаюсь.

Зашёл за Веситаевым.

- Старшина, сопроводи. Пойдём, братишка, искупаемся.

Берег с нашей стороны пологий с редким камышом, противоположный, сплошные камыши. Зашёл в воду по щиколотку, наклонился умыться. Метрах в трёх передо мной всплеск, будто камешек кто-то бросил, оглянулся на Иссу, не он. Опять всплеск, уже в метре. Прыжок в камыши - стреляют.

- Ложись!

Как выдра, по илистому дну, весь мокрый, выполз на берег.

- По-моему из пистолета, с другой стороны стреляют.

- Сейчас возьмём!

Исса зигзагом побежал к стоянке. Через несколько минут два бронетранспортёра рванулись, один ниже по течению, другой выше.

Ё- моё, искупался!

Через полчаса, бронники вернулись, из одного выбросили японского офицера.

Большие пальцы рук связаны сзади, остальными пальцами держит распоротые сзади, до паха галифе, обычный способ конвоировать языков, наших разведчиков. (Со спущенными штанами далеко не уйдёшь). На одном боку пустая кобура, внушительных размеров, на другом пустые ножны, от меча.

- Принимай, командир. Лютый япошка! Все патроны расстрелял, с саблей на бронник кидался.

- Как взяли?

- Немного толкнули.

- Чем?

- Бронником.

- Ходить-то, может?

- Сейчас поглядим.

Разведчик пнул пленного, стволом автомата показал "Встать". Тот на удивление проворно поднялся. Гортанным языком чего-то отрывисто коротко произнёс.

Представился что ли?

Потянулся народ, посмотреть на первого японца. Пришлось власть употребить.

Разведчик передал мне оружие пленного. Здоровенный пистолет типа Маузер или Люггер и двуручный меч.

- Развяжите его.

Устроились на снарядных ящиках, под растянутой сетью. Майор - особист, переводчик и я.

Японец встал, представился.

Аркаша, чего-то у него спросил, после длинной фразы, Звегильский, радостно перевёл:

- Заместитель командира четвёртого чугая, 69-го сентая майор такой - то.

- Чего он там заместитель, решил уточнить особист.

- В том то и дело, что это авиационные подразделения, вроде эскадрильи и полка. Здесь он после ранения, вроде военного советника при армии императора ПУ-И, государства Манчжоу-Го.

- Чего тут делал?

- Решил сам посмотреть. Не поверил докладам разведчиков.

- Значит разведчики всё-таки, были!

- Зачем стрелял?

- Когда самурай видит противника, он атакует!

- Спрятавшись в камышах?

- Военные хитрости никто не отменял.

- Аркаша, переведи, когда через водную поверхность стреляешь, на таком расстоянии нужно превышение брать на фигуру. Хотя, вряд ли, это ему пригодиться.- Подошёл начальник разведки бригады, потихоньку пристроился у бронетранспортёра. Я же, рассматривал трофейное

оружие. Меч с длинной шершавой ручкой, заточен не как шашка, а по всей длине. Острый, ёлки-палки!

Пистолет тоже удивил. Такая конструкция никогда не попадалась. Предельно оптимальная простота. Японец с удивлением наблюдал, как я разобрал, собрал, снова разобрал и снова собрал его личное оружие, из кобуры он, достал запасную обойму и протянул мне. Калибр 8,8.

Ничего интересного, советник, не сказал, ссылаясь, что здесь недавно. Где японские войска, он не знает. Китайские части Манчжоу-Го ненадёжны. Километров в 15-ти аэродром. Два чужая устаревших японских истребителей КИ-27 с китайскими пилотами. Эту информацию тут же отправили в штаб авиадивизии и штаб фронта.

Ещё пленный сообщил, что зря, доблестная Красная армия, нарушила мирный договор, и здесь, на полях покорённого Китая, нас ожидает сокрушительное поражение.

Особист и разведчик спрятали исписанные протоколы допроса в полевые сумки, козырнули и покинули нас.

- Куда ты его денешь? - уходя, спросил особист.

- Вам хотел передать.

- Невозможно. Охранять не кому и негде. Вы уж, у себя пока поддержите.

- Ну, лейтенант Ша, ты теперь с этой япошкой наговоришься.

- Чего это?

- Девать его некуда. Охранять не кому, ну до утра Сашку, тебе дам.

- Дахно! До утра, с лейтенантом пленного охраняете.- Аркаша забеспокоился.- Товарищ капитан, это ж головорез. Сюда в одиночку не побоялся, с мечом на бронетранспортёр бросался. Давайте свяжем его.

- Пленных связывать не положено.

- Придушит он меня и сбежит!

- Аркадий, Вы советский офицер! Спать ночью не будешь.

Пленный закурил папироску, закинул ногу на ногу, демонстрирую обалденные кожаные сапоги на толстой подошве. Высочайшее качество, цвет спелой вишни.

Никогда таких не видел. Непонятно из чьей кожи их сделали. И размер, вроде, подходящий.

Глядя мне в глаза, пленный что-то сказал.

- Он говорит, что у него был ещё малый меч - тенто, солдат, который его задержал, мне его не отдал, - а ещё - Перевожу дословно,

- Требуется ножик вернуть, так как он офицер и без меча, ему ни как нельзя.

- Если бы он сдался добровольно, мы бы ему оба оставили. Спроси из чего его сапоги и какая марка его пистолета.- Ша с пленным "квакали" пару минут.- Чего так долго?

- Уточнял про сапоги. Меня таким словам не учили. Ну, насколько я понял, из шкуры буйвола, это вроде коровы.

- Знаю, про индейцев книжки читал. Бизоны, буйволы, мустанги.

- Марка пистолета "Намбу". Японская конструкция.

- Посидите здесь, пойду, попробую эту Намбу, а то у меня прям зуд, какой-то начался.

С приятным звоном, обойма встала на место. Затворная рама оттянулась легче чем у ТТ.

- Сними с него кобур у и ножны. Я скоро.

Возле речки попробовал пистолет. Хорошая машинка. Мягкая отдача, точный бой. Несмотря на неказистый вид, отлично сбалансирован. Решено - оставляю себе. Патронами как-нибудь разживусь.

Вернувшись, нашёл пленного без кобуры, ножен и сапог. Дивные сапоги стояли возле моего ящика, в смысле, там, где я сидел.

- Майор, предлагает Вам померить,- перевёл почему-то Дахно.

- Намба, гут,- почему-то по-немецки обратился я, к пленному.

Ша перевёл. Тот только слегка наклонил голову.

Мои глаза отказывались отрываться от замечательных сапог. Примерить, что ли? Обязательно! Может и не подойдет.

Ещё как подошли! Колодка такая удобная, жёсткие голенища, помыть, начистить, можно вместо картины на выставке показывать!

Майор залопотал:

- Примите в подарок от императорской армии.

Нехорошо, как-то сказал и улыбочка какая-то презрительная.

Передадим его когда-нибудь, он на первом же допросе меня сдаст. Какой человек будет допрашивать, как всё обернётся... Дахно, даром, что в регулярной армии недавно, стоя у майора за спиной, глядя мне в глаза провёл стволом автомата по горизонтали, а я кивнул.

Мгновенно, Дахно, скинул свои перетянутые проволокой кирзачи, натянул мои, сунул в руки, майору свои обноски - ветераны.

- А это тебе, от Советской армии. Можно не одевать, нам не далеко.

Через минуту, короткая автоматная очередь и довольно притаптывающий, моими сапогами, Сашка, докладывал:

- При попытке к бегству, лейтенанта свалил, гадюка и бежать.

- Аркаша, понял?

- Да сто лет он мне не вс...я, что б, я ночами из-за него не спал! Тоже мне ещё первый японец!

- Ну, значит договорились. Пойдём, особисту доложим.

- Вы ему саблю японскую отдайте!

- Это меч, называется, катана, все офицеры носят, даже в танки и самолёты с собой берут.

- Спасибо, Аркаша, вот пусть особист, эту катану носит.

Такие дела. Человека загубили, а вроде, всем легче стало.

Однако снился мне этот майор, всю жизнь. Народу за две войны я побил не мало, а снился, японский майор с сапогами.

Пока шли в особый отдел над головой пролетели две шестёрки фронтовых бомбардировщиков Пе -2.

Быстро среагировали. Полчаса как наш радист передал об аэродроме. Вскоре по степи долетел далёкий рокот. Хана двум чужакам. (Знать бы что это). А вот и наши соколы возвращаются. Все двенадцать, без потерь!

Особисты, на сообщение о пленном прореагировали спокойно.

- Захоронили?

- Так он через речку переправлялся, там и плавает.

- А сапоги, на берегу оставил? - майор ткнул пальцем мне в ноги.

- Точно, видать утонуть боялся.

- Ну и хрен с ним! Хитрый япошка был.

Николай Яременко

Женщина для карантина

Он слил воду из кастрюли в раковину, аккуратно придерживая рукой свёклу. словно кровь, бьющая из красных фонтанов на Поклонной горе, зажурчала окрашенная вода.

Натереть свёклу, чтобы перемешать её с майонезом и сделать салат – это второе и последнее из всех возможных блюд, которое он умел делать. Первое, как у любого другого мужчины – это яичница. Дальше у всех обычно идёт список разной длины, но у него он обрывался довольно быстро. Мама всегда в детстве говорила: «Сашенька, твоя работа – это учёба!» Делала котлетки и прочие вкусные разности сама. Детство сменилось студенчеством, а оно как-то само собой перетекло в женитьбу. У мальчиков домашних ведь так бывает: чтобы решиться на побег из любящего родительского дома, надо жениться. Поэтому готовить так и не пришлось научиться.

Избитая шутка, что детство у мальчиков до 40 лет протекает трудно, известна многим. И точно так же известно, что после 40 лет не так уж и многое-то меняется.

Но вот к его сорока с хвостиком случилось с ним серьёзное потрясение. Можно сказать, социальное испытание. Такое же, как у многих, впрочем. Всех заперли на карантин. Китайцы что-то там намудрили близ Уханьки, и все стали стремительно кашлять и умирать в разных частях планеты.

Жена, временно отлучившаяся по контракту в соседнюю страну, подселила перед самым отъездом к нему свою маму:

- У тебя много работы. Вот она тебе готовить будет, и вообще...

Что означало «вообще», в каждой семье значит, наверное, что-то своё, но чаще всего это было расхожим синонимом хлёсткой и убийственной мысли – «чтоб баб не водил».

Как будто их водить нельзя куда-то в иное место. Но кто же мог представить, что случится эпидемия, а вместе с ней и карантин. Жена продолжала работать по контракту и даже на пару дней не могла прилететь – границы закрыты, повсеместная самоизоляция и другие новые слова.

Тёща была старушкой беззлобной, но уже настойчиво и магистрально впадающей в детство. Любопытство переполняло её до самых краёв. Если приходилось говорить по телефону (а работа на «дистанционке» становилась реально какой-то бесконечной), то рядом с

закрытой дверью обязательно скрипела паркетинка: тёща слушала. Не то чтобы ей хотелось на чём-то поймать зятя – нет, просто надо же хоть чем-то жить, хоть какими-то новостями, а по радио – только про эпидемию и больше нет ровным счетом ничего. Иногда любопытство так переполняло её, что она даже напрямую спрашивала:

- Я случайно слышала, как ты сказал по телефону...

- Случайно?

- Да, шла в туалет из своей комнаты. Задумалась о чём-то, остановилась, а тут слышу... - и дальше следовал пересказ, свидетельствующий о том, что остановиться и задуматься у двери пришлось на добрую четверть часа.

Шли недели на самоизоляции. Жизнь становилась совсем невыносима. Одного боялась тёща, просто патологически боялась – заболеть новомодной инфекцией. Когда Саша выносил мешок в мусоропровод у лифта, стремительно пряталась в своей комнате – вдруг вирус залетит? Разумеется, сразу же к ней рванёт! Это были недолгие счастливые моменты, когда она не лезла во всё. Час-другой тишины и покоя.

Этим-то он и решил воспользоваться.

- Ирина Петровна, сегодня врач придёт...

- Какой врач? – испуганно попятилась она от зятя, уже хватаясь за ручку своей двери. – Ты заболел? – и сделала ещё один шаг назад.

- Нет, это начальство по всем сотрудникам посылает врача, чтобы взять тесты на заболевание.

- О, так может, и у меня тогда пусть возьмут? – глаза тёщи загорелись. Возможность любой халявы, даже медицинской, всегда приводила её в радостное возбуждение.

- Вы что? Она же по всем квартирам ездит, всех сотрудников объезжает, - начал он красиво петь, понимая, что тещин страх заразиться окажется всё-таки выше страсти к халяве, и попутно размышляя про себя, что слово «объезжает» подходит скорее к теме лошадей. Врач, пожалуй, обходит пациентов, но как сказать, если он перемещается между ними на транспорте?

Довод, в любом случае, сработал. Тёща рванула к себе. И чтобы довершить начатое, Саша чуть громче обычного сказал через дверь:

- Ирина Петровна, имейте в виду: тестов может быть много – тут и кровь, и мазок, еще и температуру могут мерить. Давление и всё такое... Так что даже к двери подходить будет опасно. Поберегите себя.

Весь визит изголодавшейся по его ласке за два месяца карантина рыжеволосой коллеги тёща испуганно провела за своей дверью. Но когда «доктор» оделась и оказалась в прихожей, все-таки высунула голову и, не снижая почтительной дистанции, спросила:

- Доктор, ну что там у него? Мне с ним не страшно дальше тут находиться?

- Ничего страшного. Но через два-три дня надо будет мне прийти и сделать контрольный тест. Вот тогда будет точно очень опасно. Если нет возможности никуда уехать, то с раннего утра надо запереться и не выходить – тестов я привезу больше, - и недвусмысленно посмотрела на Сашу.

Рената Юрьева

Волшебный эликсир

- Мы с тобой по-разному понимаем веру, малыш, - Артём ласково тронул ее опущенный подбородок и коснулся надутых губ.

Как можно понимать по-разному слово, если ему – одно название? Значит, и определение у него одно. Так упрямо думала Галя, забравшись по привычке у себя в комнате на диван с ногами и подтянув их к подбородку, который так недавно ласково касались руки её любимого. Веришь – значит, не сомневаясь, принимаешь человека, его слова, поступки, не осуждая и обсуждая. А иначе... Что будет иначе, Галя не знала или не хотела формулировать. Была в словах Артёма своя правда, но она почему-то не успокаивала, а тревожила и слезы наворачивались на глаза.

-Вот, представь, ты обещала мне обязательно позвонить, я тебе поверил и ждал, переживал. А ты не звонила. Значит ли это, что я больше не могу верить твоим словам? – продолжал убеждать девушку Артем, держа её за руку и глядя в глаза цвета тёмного песка.

- Нет, конечно! – воскликнула Галя. – Мало ли что могло произойти: зарядка кончилась, или деньги на телефоне.

- Вот видишь, - подхватил юноша, словно обрадовавшись наконец-то достигнутому пониманию. - Есть обстоятельства, которые влияют на наши слова и действия, которыми трудно, а порой просто невозможно управлять! Как можно сразу же делать поспешные выводы?..

Галя встала с дивана и подошла к окну. Тёмные тучи, которые весь день накапливали в себе отдельные серые облака, сейчас представляли собой огромную тяжелую шапку-ушанку с опущенными ушками, которые прятались за горизонтом. «Еще немного и грянет гром», - подумала Галя. Тогда она не нашлась, что ответить Артему, но сейчас опять почувствовала внутреннее сопротивление его словам. Один раз простив даже невольную вину, есть огромная вероятность повторения ситуации. Страшно бывает только первый раз. «А я хочу ему верить! – Галя сжала кулачки, - не сомневаться в его словах; не мучиться сомнениями и подозрениями, когда он задерживается или не приходит! А иначе...» И опять это слово повисло в воздухе.

Гале стало душно в комнате, и, наскоро накинув на себя легкую курточку, она поспешно выбежала из дома, как будто боялась передумать. О том, что на улице готовился грандиозный спектакль под названием «Майская гроза», она даже не подумала. Девушка шла по

тротуару в сторону небольшого скверика, который привлекал всех жителей ее пятиэтажного дома в ласковые дни. Сейчас там никого не было. Только тревожно покачивались ветви с просыпающимися листочками в такт усиливающемуся ветру.

- Мамочка, ты же мне веришь? – вдруг услышала она тоненький голос. Оглянувшись, Галя увидела, как молодая мама тянет за ручку своего маленького, лет пяти-шести сына, который еле попевал за ее быстрой ходьбой.

- Конечно, верю, - сразу же ответила мама, с опаской поглядывая на небо. – Идем быстрее, Коленька, скоро начнется дождь.

Но Коленьке, похоже, этот дождь не внушал страха: а что же его бояться, если его еще нет? Бояться можно будет потом, когда он пойдет. А потому, быстро семеня за мамой, он продолжал развивать свою мысль:

- А почему?

- Что почему? – мама уже, видимо, забыла предыдущий вопрос сына и свой автоматический ответ.

- А почему ты мне веришь? – упрямо переспросил Коленька.

Мама на секунду запнулась, остановилась и посмотрела на сына, как будто удивляясь такому вопросу. Потом улыбнулась и сказал:

- Потому что ты – мой сын, – и потянула Коленьку за собой.

Как все просто! Вот это аргумент! Галя не заметила, как развернулась и не спеша последовала за этой парочкой. Верит, потому что он – сын. Интересно, знает ли и догадывается ли эта молодая мама, что никто так больно не умеет ранить, как самые родные люди, те же самые дети? Галя невольно вспомнила свою тётушку Наталью. Её любовь к сыну Антону была до того сильной, что иногда затмевала даже здравый смысл. Антошка рано понял эту слабость (а можно ли мамину любовь назвать слабостью? – мелькнуло в голове) и успешно пользовался ею для выполнения своих прихотей. Когда Галя пыталась было вразумить своего двоюродного братца, что это не честно и не порядочно обманывать свою маму, Антон даже удивлялся: «Так я же не обманываю! Я просто не говорю ей всей правды. А зачем лишний раз тревожить? Главное, не попадаться». Он улыбался и подмигивал ей: «Учись, сестренка! В этом мире никому нельзя верить!» «Но и не верить нельзя», - возражала Галя. «Тоже верно, - усмехался Антон, - а потому никому никогда ничего не обещаю!» «Но так же не бывает! Вот ты сейчас идешь в свой клуб?» «Ну да, сегодня же пятница, мы с друзьями собираемся потусить». «А Маринке своей что ты сказал?» - не отставала Галя. «Ну, ей сказал, что мама сегодня загрузила работой по дому». «И что, она поверила?» - удивилась сестра. «А куда ей деваться? Если любит, поверит». «А ты не

боишься, что и она начнет тебя обманывать?» Антон ничего не ответил тогда. А буквально через две недели они с Маринкой расстались. Может, из-за этой самой веры-неверы? А мама, узнав о том, что ее любимого сына отчислили из университета за прогулы и не сдачу сессии, слегла с сердечным приступом. Но когда ее сестра, Галина мама, попыталась сказать ей, что она предупреждала насчет Антона, тётя стала отчаянно защищать сына, оправдывая его сложившимися обстоятельствами: «Ты же сама понимаешь, каково это расти без отца!»

Значит, можно продолжать верить даже после обмана? Как? Почему?

Галя не заметила, как первые тяжелые капли предупреждающе упали на асфальт, ее плечи, лицо. «Потому что ты – мой сын». Эта мысль не давала покоя девушке, было в ней что-то, что, казалось, может дать ей ответ, тот самый, в котором она так нуждалась. Крупные капли в одно мгновение превратились в ушат воды, и Галя быстро побежала к дому. Скинув намокшую одежду и надев теплую пижаму, она снова подошла к окну, за которым не было видно ее улицы и сквера из-за серых толстых штрихов ливня.

Галя догадывалась, почему ее очень волнует этот вопрос веры в человека. Ее отец ушел от них с мамой, когда она была еще совсем маленькой, поэтому сильных переживаний по этому поводу она не помнила. Зато очень хорошо врезалась в память одна картина. Это было весной. Галя и не знала, что можно быть такой счастливой! Она летела по майскому городку, так отличавшемуся от сегодняшнего мая своей неудержимо цветущей и солнечной погодой, и улыбалась. И было от чего: первый экзамен сдан! И целых два часа они гуляли по солнечным улицам с Никитой, мечтой ее первых в жизни бессонных от любви ночей.

- Привет, мамулечка! – влетела Галя в комнату и, подбежав к маме, сидевшей в кресле, обняла и расцеловала ее в обе щеки. Усевшись на пол рядом с креслом, она, как в детстве, положила голову на ее колени и начала рассказывать события сегодняшнего дня. Хотя в сумбурном рассказе было больше эмоций, чем фактов. И только спустя десять минут, как будто почувствовав некоторую отстраненность мамы, взглянула на ее лицо. Мама поспешно вытерла слезинку и улыбнулась:

- Я так рада за тебя, доченька.

- Мама, что случилось? – встревожилась Галя.

- Нет, нет, все нормально, - мама погладила дочь по мягким каштановым волосам, едва доходившим до плеч. – Просто устала немного.

- Папа? – чуть помолчав, полуспросила – полутвердила Галя.

Ответное молчание было красноречиво.

- Мам, а почему ты больше не выходишь замуж? Ты же такая красивая, умная, добрая! Кого хочешь, можешь осчастливить, - попыталась пошутить девушка.

Галя уже и не ожидала услышать что-то в ответ, но мама вдруг тихо произнесла:

- Потому что я потеряла веру...

- А мне? Неужели ты и мне не веришь?

Мама ласково обняла свою дочь:

- Мне кажется, вера своим детям рождается с первого мгновения их рождения. И потом передается им с волшебным материнским молоком. Этот эликсир – гарантия вечной и бесконечной веры друг в друга. Несмотря ни на что...

Эти слова врезались в чуткую память Гали и часто приходили ей на ум потом. Наверное, именно они стали причиной того, что у девушки было мало подруг и друзей, и даже им она не могла доверять абсолютно все. Именно поэтому для нее так важно было точно знать, можно ли верить людям и возможно ли, потеряв ее, обрести вновь.

Галя медленно набрала номер телефона:

- Артём, а ты мне веришь? – спросила она, затаив дыхание.

- Конечно, верю, - не удивившись, ответил Артём, как будто тот их разговор продолжался, он всегда понимал Галю с полуслова.

- А почему? – невольно вспомнив маленького Коленьку, спросила девушка. – Ведь когда-то, возможно, и мне придется сказать тебе неправду...

- Я знаю, Галенька, - улыбнулся на том конце провода юноша. – Такое случается...

- И ты простишь?

- Не знаю, - честно сказал Артём, - думаю, что да.

- Но почему?

- Потому что я тебя люблю...

Молния ярко осветила комнату, Галю, застывшую на диване с выключенным телефоном в руке. И она вдруг так же ярко и ясно поняла значение ответа мамы Коленьки на его «Почему?» Слова «Потому что ты – мой сын» означали не только и не столько степень родства этих двух людей, просто эти слова были синонимами других: «Я тебя люблю».

Курортный роман

Она выходила на балкон каждый вечер. Её томный взгляд изумрудных глаз находил такое же отражение далёких звёзд, с которыми благодаря встрече взглядов, восстанавливалось свое понимание мироздания и какого-то глубокого, известного только ночным собеседникам, смысла. Она, конечно же, не могла не заметить (ведь Она была настоящей женщиной!) Его, верно приходившего каждый вечер к ней под балкон и не сводящего грустного, полного любви, взгляда темных, как беззвёздная ночь, глаз. Он возрождал лучшие традиции идадьго самых романтических историй любви. Конечно, на нём не было сомбреро, которое прикрывало бы необъяснимую грусть и вполне объяснимое желание. У него не было гитары, чьи звуки заглушали бы музыку вечернего курортного городка. Он даже не пел чарующих серенад, призванных растопить сердце Красавицы. Он просто молча смотрел на Неё, терпеливо ожидая, когда же она поймет, что даже самый яркий блеск звёзд останется недостижимым в отличие от Него.

Повинуясь Его молчаливому и настойчивому вниманию, Она как бы непринуждённо скользила взглядом по Нему, чем вызывала неописуемую радость и надежду. Как мало надо нам для надежды: всего лишь касание взгляда и лёгкая улыбка, скользнувшая на красивом лице. А дальше!.. А дальше, решив, что довольно оказала внимания своему воздыхателю, Она молча удалялась в покои. А Его потускневшие глаза и быстро бьющееся сердце даже не подозревали о том, что сквозь тонкий ажур лёгких занавесок долго ещё следят за ним, счастливым и несчастным одновременно...

А утром Она выходила во двор и с чувством собственного достоинства дефилировала по чистым тротуарчикам. Она не глядела по сторонам, чтобы убедиться в том, что на Неё обращены неотступные верные глаза своего рыцаря. Она это и так знала.

...Это был удивительный день! Солнце светило так, как будто завтра могло не наступить. Птицы пели так, как если бы им заплатили на год вперёд. Цветы цвели и источали аромат так, что, казалось, весь воздух состоял из роз и рододендронов. И вот в такой волшебный день Она подошла к Нему. Она долго смотрела в его ошалевшие от счастья глаза, как бы пытаясь найти в них ответ на свои тайные думы и желания... Этот ответ был написан во всём облике счастливецца. Видимо, это поняла и Она. Так или иначе она медленно прикоснулась к Нему, вкладывая в свой жест столько нежности и благодарности за любовь, что Он замер, тоже не решаясь прервать благословенную тишину. Окрылённый победой своего

терпения и надеждой на счастье, Он попытался произнести самые лучшие признания, которые рождались бессонными ночами под сиянием Её любимых звёзд. Но Она не позволила ему сделать этого. Мягко оттолкнув, Она ещё раз взглянула на Него своими дивными глазами, таящими вечную загадку, развернулась и молча, с тем же чувством собственного достоинства, к которому чуть-чуть примешивалась едва уловимая грусть, ушла...

Разве ж знал наш милый добрый верный пёс, что кошки всегда ходят сами по себе... даже если они влюблены...

Лана Прянишникова

Капающий кран

Каждое утро, просыпаясь, сначала я слышу, как капает кран. Затем открываю глаза и вижу старые жёлтые стены, те что напротив окна ещё и выцветшие. Встаю. Пол холодный. Когда же я уже соберусь, чтобы починить это окно? Ищу тапочки. Они под диваном. Обувшись, я иду в туалет, где пытаюсь закрутить этот кран, но не получается. Тогда просто умываюсь и иду завтракать. На завтрак, как и всегда, хлеб с маслом. Я ломаю ножом замёрзший кусок масла и намазываю его на хлеб, рвя последний первым. Закончив завтракать, я одеваюсь. Честно говоря, я не задумываюсь о том, что надеваю, а потому не могу сказать насколько одинаково выгляжу изо дня в день. Затем я спускаюсь во двор. Лифт сейчас кем-то занят, а потому я спускаюсь по лестнице. Облупленные стены, покрытые какими-то надписями и рисунками. Пахнет старостью и сыростью. На первом этаже и в лифте стоит удушающий запах смрада. Двор тоже не изменен: всё та же облупленная скамейка у входа в подъезд, всё те же машины, всё те же цветы и кусты, всё те же скрипучие старые качели, та же железная горка с ржавыми ножками и облупленной краской, та же карусель, поваленная на бок. Сейчас всего семь утра, а потому на площадке никого нет. Хотя на ней и днём зачастую никого — через дорогу построили новый дом с новой площадкой, теперь дети и их родители ходят туда. Но мне как-то всё равно. Я сажусь в машину. Моя старая, подержанная волга. Завожу её и выезжаю. Одна и та же дорога, одни и те же сигналы светофора. Раньше ради забавы я любил считать секунды, когда горел жёлтый, или газовать, не смотря на светофор, но теперь и это мне опостылело. Аварии тут бывали, но редко, а потому я, приезжая, всегда видел одно и тоже время на часах в офисе. И вот я в бухгалтерии. Сажусь на своё место. Включаю компьютер. Ввожу пароль. Открываю папку. Открываю документы. В три часа я делаю перерыв и иду в столовую. Я беру ватрушку и кофе. Порой я думаю взять что-то другое или ещё, но решаю, что это лишнее. В семь я еду домой. По той же дороге, только освещение другое. Я заезжаю во двор и паркуюсь на том же месте, где машина стояла утром. На площадке снова никого. У входа в подъезд сидят какие-то два парня, активно споря о чем-то. Но мне как-то всё равно. Я подхожу к лифту. Теперь он свободен. Еду на верхний этаж. До чего же здесь противно находиться, но я просто устал и не могу идти на свой этаж пешком. Вскоре мой этаж. Я выскакиваю из лифта и иду к себе. Я отпираю дверь и вновь слышу капающий кран. Я бросаю сумку и

пытаюсь закрутить этот несчастный кран, но тот не поддаётся. Я чертыхаюсь и иду переодеваться. Во всём домашнем я падаю на диван.

Желание хоть что-то делать напрочь отсутствует. Я вздыхаю и смотрю в потолок. Я опускаю глаза на стены. Те, что напротив окна, кажутся белыми. В такие моменты я до безумия был бы рад любому пришельцу. Да, даже налоговой или мусорам, ведь эти люди потрепят мне нервы, а в моей сонной жизни не хватает именно этого. Может найти девушку? Создать семью? Переехать из этой халупы в соседний дом? Заведём ребёнка. Нет, двух!

Кап!

А хотя, на девушку нужны силы, время и деньги, а на детей ещё больше сил и денег. Волга сейчас работает на честном слове, а девушки любят хорошие машины. Нет, не нужно мне ничего! Ложусь спать.

Утро. Выходной. Меня снова встречают кран и жёлто-белые обои. Сажусь. Сегодня мне абсолютно нечего делать. Я долго смотрю на потолок. Весь потолок в бледно-бурых пятнах, и с него осыпается пыль. Я помню все пятна наизусть. А если присмотреться— можно увидеть то, что краска наложена неровно. Я встаю и иду на кухню. Завариваю кофе и медленно пью его. Вдруг я вижу его! Маленький мальчик. Лет десять, не больше. Он время от времени приходит ко мне. И я ему рад. Мальчик всегда молчит и просто ходит по квартире. Порой я даю ему бумагу и карандаш. И сейчас я снова предложил их ему. Мальчик лёг на пол. Ему словно и не холодно. Я сидел рядом и смотрел, как маленькая детская ручка выводит на бумаге не очень ровные линии. Эти линии медленно складываются в силуэты. А сверху надписи: "мама", "я" и "папа". Стоит последнему слову полностью оказаться на бумаге, как мальчик начинает складывать бумагу самолётиком. Мальчишка вскакивает на свои тонкие розовенькие ножки и бежит к окну. Он неуклюже залазит на подоконник и выпускает самолётик в верхнюю форточку. Затем он поворачивается ко мне. Как же он на меня похож. Эти же глаза и эти же локоны. Я, должно быть, так же улыбался в его годы. Интересно, а кто его родители?

Кап!

Я проснулся. Капающий кран и жёлтые стены. Снова выходной. Как же скучно! Я сел. На полу валялись ручка, карандаш и рисунок. Я поднял его. Там было надгробие с моим именем. Странно, не помню, чтобы я или тот мальчик это рисовал. Я вздохнул и выбросил рисунок. Я завариваю кофе. Пью. Тихо. Очень тихо. Слишком тихо! Это сводит с ума! Кап! Ах да, ритмично капающий кран. Я допиваю кофе и ставлю чашку в раковину. Кап! Этот кран словно капает мне на голову. Кап! Я открываю воду на кухне и мою кружку. Выхожу в комнату. Кран продолжает капать. Я

собираюсь и выхожу. Ступенька, ступенька, сломанная ступенька, ступенька, вонь, ступенька, опадает краска. Я выбежал. Серые, налитые свинцом тучи нависают надо мной. Вот-вот пойдёт дождь. Длинные твёрдые капли будут разбиваться о землю, они будут падать в слив на крыше, затем сбегут мощным потоком в трубу, откуда будут выброшены на тротуар. Твёрдые иглы дождя будут биться о моё стекло и, обращаясь обратно в воду, медленно стекать с него. Я знаю это. Эта картина знакома мне. Я видел её с разных углов. Я определил, что дождь будет именно таким, нет, я не синоптик, просто я слишком часто вижу одно и то же, а потому я знаю, что сейчас будет. Этот День Сурка невероятно наскучил мне. Я убираю руки в карманы и иду на прогулку. Авось, что-то изменится! Люди попадают редко. Вон там, у детского сада, два ребёнка играют в классики, а там, на параллельном тротуаре, какая-то девушка везёт коляску. А там, у соседнего дома, идёт компания девушек. Они о чём-то говорят. Смеются. Интересно, о чём? Кстати, было бы неплохо по возвращению заняться краном. Чёрт! Снова этот кран! Ускоряю шаг. Выхожу в парк. Людей стало больше. Тут много людей с собаками. Может и мне завести? Будет и у меня друг. Да, поговорить нельзя, но поиграть — вполне. Да и о чём говорить? С хорошим другом и в тишине можно посидеть. Я не сильно трачусь, так что на собаку и "аксессуары" к ней хватит. Думаю, не грех и обои переклеить, а то как-то некрасиво. Окно наконец почию, не буду бояться заболеть. Тогда уж и ключ надо поискать, кран закручу. А хотя, это ж сколько сил на ремонт и собаку надо. Да и щенок мне новые обои подрать может. А ещё он мне все углы и обувь пометит! Тренировать его надо. А ещё утром и вечером гулять с ним, а я и так устаю как собака! Нет, ни за что не появится в моём доме собака! Я быстро разворачиваюсь и иду домой. В подъезде снова стоит вонь. Опадает краска, ступенька, сломанная ступенька, ступенька, ступенька. Я в квартире. Не раздеваясь, падаю на диван. Иглы дождя стекают по моему окну. Вот бы что-то сделать. Такое, чтоб ух! Вот бы изобрести что-то. Или написать. А может просто обзавестись каким-нибудь хобби? Интересно каким? А может просто уехать? Ну там в путешествие или просто переехать. Да, было бы неплохо.

Постепенно моя квартира зарастёт пылью. Шторы никто не будет открывать, а потому всё погрузится во мрак. Это будет маленькая квартирka из кухни, спальни, слитой воедино с прихожей, и туалета, погружённая во мрак, и пыльные локоны будут окутывать её как паутина жертву. И единственным источником звука в этой тьме будет капающий кран...

Шаген Оганнисян

Волонтёр

Дочь на время студенческих летних каникул прошла международный конкурс на волонтёра по программе археологических раскопок в Испании. Реально на эту программу из Армении попал только один студент. Почему выбрали мою дочь, не уверен, но скорее всего из-за того, что у нее в паспорте уже была разовая Шенгенская виза. Она за год до этого события побывала в Германии у своей тетки. Это было летом 2001 года сразу после вступительных экзаменов в институт. Понятное дело, немецкое посольство сразу же отказало вновь испеченной студентке вуза и думаю, с удовольствием поставило в паспорте жирную отметку об отказе. Я вспоминаю, что в те годы очень сложно, практически невозможно, было получить туристическую визу молодым людям, решившимся на самостоятельное путешествие по Европе, к тому же необходимо было иметь большие личные средства и немалую недвижимость, что конечно нереально для обычной молодежи. И несмотря на потраченные деньги на визу, покупку страховки, перевод в нотариальных конторах идиотского количества различных документов на немецкий язык, самым обстоятельством отказа я в глубине души был очень доволен: во-первых - родительское беспокойство - дочь одна в чужой стране, к тому же еще в своей жизни даже ни разу и не летавшая самолётами. Во-вторых - было очень тревожно от того, что в те времена молодые люди, раз побывав на западе, затем всеми правдами и неправдами старались покинуть страну. Но сестра жены, узнав об отказе, на немецком языке от моего имени написала такое трогательное письмо, что, подписав и передав его в посольство, дочке в тот же день позвонила консул и попросила срочно зайти в посольство, а затем при ней же в паспорте на страничке с отказов самолично наклеила шенгенскую визу. Я потом специально прочел письмо в переводе и мне стал более понятен менталитет немцев, но это совсем другая история. Да, кстати, жена и сестра коренные армянки.

Итак, история с волонтёра. Дочка в поездку с собой должна была взять спальный мешок, который нам пришлось доставать с большой оказией и с условием вернуть, но у неё его украли в первый же день - в метро Барселоны. Две недели она спала на полу в школе в местечке под Барселоной - но эту и другие подробности мы с женой конечно узнали по возвращении дочки из археологической экспедиции. Беспокоить нас

такими «мелочами» дочь не собиралась, да и коммуникации с ней по мобильному тогда были весьма ограничены.

В день приезда дочки, на работе, утром я получаю звонок на мобильный:

- Папа мы в аэропорту Барселоны, наш рейс на Прагу улетел!

- Ты опоздала в аэропорт?!

- Нет. Я уже три часа здесь торчу! Оказывается, было два рейса на Прагу. Мы не туда встали, я не посмотрела номер рейса... наш самолет улетел!

- Успокойся. Пойди в кассу и купи билет на другой рейс на Прагу, у тебя есть 9 часов до рейса из Праги в Ереван! Кто-это мы?!

- Моя подруга из Эстонии, она тоже летит через Прагу. Папа у меня нет денег!

- Я же тебе на карточку положил 100 евро на всякий случай, чтобы ты их не трогала ни при каких обстоятельствах?!

- У меня на карточке 10 евро и на телефоне осталось на 2 минуты звонков.

- Пойди в кассу и выясни сколько стоит билет. Через 3 минуты я тебе позвоню. Буду звонить только я.

Тогда я работал директором процессорного центра, и мы первыми в СНГ внедрили переводы с карты на карту. Я сразу вызвал начальника процессинга и приказал сделать перевод 150 евро с моей карты на карту дочки. И чтобы деньги сели в течение 1 минуты. Понятно, весь процессинг был поставлен на уши.

Звонок дочке:

- Сколько стоит билет!

- 90 евро, вылет через полтора часа.

- Дай карточку и купи билет.

- Кассир говорит, что в получен отказ банка - недостаточно средств!

- Попроси, чтобы ещё раз провела транзакцию! Деньги уже сели! (Внутренней телефон): - Гур-ге-ныч! Проверь ба-ланс!!!.

- Папа дешёвые билеты кончились! Остались только за 350 евро!

- Не отходи от кассы я позвоню через десять минут.

Звонок в банк директору карточной службы: - Настоятельная просьба - вопреки всем правилам увеличить мой баланс на 500 евро! Банку надо срочно дать соответствующее поручение процессингу по телефону! Гургеныч, срочно на ту же карточку посади еще 300 евро!

Звонок от жены:

- Динка вылетела?

- Стараюсь. Все будет хорошо.

- Что?!

- Я позвоню!

Звонок дочке:

- Покупай билет.

- Папа билеты кончились! Зарядка телефона заканчивается!!!

- Купи билеты на завтра.

- Ближайший билет через пять дней! (высокий сезон)

- Успокойся. Посиди где-нибудь. Я позвоню через 10 минут.

Мне тоже надо успокоиться.

Звонок дочке через 10 минут:

- Сядь в такси поезжай в Барселону.

- Папа я купила билет - ура!!! Купила дешёвый билет - за 90 евро!

- Когда посадка?

- Через 50 минут.

- Позвоню.

Звонок дочке:

- Прошла регистрацию!

- Папа Прага не в Шенгене, этот рейс внутренний, я не смогу получить багаж в Праге, а его надо сдать сейчас!

- Плевать! Проходи регистрацию и иди на посадку!

- Папа там все мои вещи, которые я здесь купила ...

Звонок оборвался. Абонент не доступен. Думаю - кончилась зарядка телефона.

Вечер, никаких сведений нет, телефон дочки недоступен. Жена: - Если не звонит, значит летит в Прагу. Жена: - Сделай так, чтобы получить багаж! Я: - КАК?! Жена: - Она весь год копила все свои деньги на эти шмотки, если не получит багаж, то для нее это будет трагедией.

Звоню знакомому авиаперевозчику, рассказываю всю эту идиотскую ситуацию. Мой добрый знакомый: - Когда дочка вернется попытаемся кое-что предпринять. Как могу успокаиваю жену. Неожиданный короткий ЗВОНОК от Дины - Папа я в Праге! Встречайте по расписанию!

Час ночи, дочь выходит в зал встречающих с двумя чемоданами?! Все!

Рассказ дочки:

- Когда я проходила регистрацию в Барселоне, большой чемодан потребовали сдать в багаж. Я попыталась объяснить, что в Праге я не смогу получить его, потому что меня сразу проведут в транзитную зону на международный рейс. Но это не помогло. Тогда я вспомнила историю, когда в прошлом году с теткой летели из Парижа во Франкфурт, также

потребовали все сумки сдать в багаж. Тогда тётя попросила вызвать начальника регистрации, после чего сотрудники, посоветовавшись, разрешили нам сумки пронести в салон самолета. Используя этот опыт, я также заявила, что хочу переговорить с начальником. Тогда одна из сотрудниц заявила, что она и есть начальник и так как самолет маленький она сейчас решила забрать также мой второй (маленький) чемодан в багаж. И после нескольких бранных слов меня без вещей проводили в самолет. Из-за этой истории самолет был задержан на полчаса. Когда я вошла в самолет - все пассажиры осуждающе смотрели на меня. Во время полета я рассказала свою историю стюардессам. И к моему изумлению одна из стюардесс пообещала, что после полета она со мной пойдет в багажное отделение найдет мои чемоданы и передаст их мне, хотя это может ей грозить увольнением. После полета автобус, который должен был перевезти пассажиров в здание аэропорта, вместе со всеми пассажирами опять минут 30 ждал меня у самолета. И когда я вошла в салон автобуса уже со своим багажом, у пассажиров на лицах было другое выражение - почтительное, будто я очень важная персона, а им просто не повезло - никакого осуждения уже не было.

В Праге, при посадке в самолет через транзитную зону я опять начала переживать, но всем было наплевать на мои чемоданы.

Всякое бывает, но обычно запоминаются истории с хорошим концом.

Круиз

В 2011 году мы с женой решили поехать в круиз по Средиземному морю на лайнере Коста Серена, который на то время был вторым самым большим кораблём флота Коста Круиз, но через год стал единственным. Первый корабль - близнец, Коста Конкордия, был спущен на воду за год до Серены, ходил по тому же маршруту и в 2012-ом на пути к побережью вулкана Везувий во время очередного круиза затонул у острова Джильо. На Серене мы именно в это время, но годом ранее, были приглашены на галла ужин с капитаном судна. Ужин был организован в огромном ресторане на палубе уровня ватерлинии с витражными окнами по обе стороны корабля. Корабль проходил очень близко к берегу, были прекрасные виды на Остров, а затем и на Везувий. Невозможно было и представить, что при спокойном море такая близость от берега чревата столкновением с рифом и возможностью потопления такого огромного лайнера. Чтобы понять, какой он огромный, скажу лишь, что во время стоянки в порту Неаполя с 13-ой палубы корабля, где был открытый

бассейн, авианосец, стоявший на рейде, выглядел небольшим суденышком. Возможно авианосец сам был небольшой. Сейчас лайнер Серена ходит в Восточно-Китайском море и в январе этого года был задержан на 20 часов по подозрению на наличие коронавируса у 17-ти пассажиров, а обычно, количество пассажиров на корабле более 3.7 тысяч и 1.100 обслуживающего персонала. В общем нам повезло два раза. Надо уметь выбирать время и место отдыха!

Кстати, это история про то, как мы должны были противостоять и не попасть на удочку разного рода мошенников и воришек, которыми нас стращали все наши знакомые. Мошенники в особенности должны были нас ждать в порту Марселя, Неаполя и на Сицилии. А вообще-то, до этого, лет 10 назад, у нас был небольшой опыт в Риме.

В 2002-ом мы, по случаю, на две ночи попали в Рим. Улететь обратно мы должны были в понедельник рано утро. Кто не знает, сообщу, что в те годы по всей Европе со второй половины субботы до понедельника в основном все магазины и торговые центры обычно были закрыты. А побывать за границей и не привезти подарки детям и сувениры друзьям и родителям было верхом неприличия. Накануне посмотрев все основные достопримечательности Вечного Города мы в воскресенье все-таки решили найти место, где можно было бы недорого отовариться. По объяснению портье гостиницы мы поняли, что сегодня это можно сделать только одним способом, а именно каким-то макаром добраться до городской ярмарки на окраине, а там можно купить все что душе угодно. Накануне, в субботу вечером, когда мы возвращались с фонтана Треви, к нашему удивлению выяснили что все станции метро Рима закрываются в 9 вечера?! Нам пришлось ловить такси до гостиницы, которая, кстати также была в центре города - у вокзала Термини. Но в те времена найти ее у нас не было никакой возможности - не было теперешних технологий. Стоимость такси нас конечно тоже поразила. Имея этот опыт, мы, измучив портье, все-таки выяснили как можно добраться до ярмарки на городском автобусе. Более того, уговорили его продать два собственных талона на автобус. Итак, в самую жару, проплутав минут сорок, мы нашли остановку, сели в переполненный до невозможности автобус. Я начал искать компостер для бумажного талона. Не обнаружив его, я с помощью мимики и жестов (английский у меня, как и был, так и остался в зачаточном состоянии) обратился за помощью к пожилому мужчине в костюме и при галстуке?! К нашему удивлению мужчина очень громко и очень эмоционально начал нам объяснять, что у них никто не компостирует талоны! Лучше крепко держите руку на карманах с бумажником, а то СОПРУТ! Я в давке с трудом

обернулся к жене и объявил, чтобы она крепко держала сумку на уровне груди и очень внимательно посматривала вокруг себя. Но мой призыв реально подействовал, когда через три остановки женщина, стоящая рядом, начала что-то очень громко говорить на итальянском. Весь автобус пришел в волнение, все начали рукой показывать на молодого человека африканской национальности, который уже быстрым шагом начал удаляться за угол остановки. Женщина, у которой, как я потом понял, украли кошелек, быстро побежала за воришкой крича “карабиньери” ... “карабиньери” ... Автобус постояв минут десять, пока все пассажиры успокоились, тронулся с места и довез все-таки до ярмарки.

Ярмарка. За железными воротами открылась огромная территория, конец которой не был виден на горизонте. Куча народа хаотично перемещалась от одного прилавка к другому, по ходу движения появлялись островки павильонов. Все прилавки были завалены кучами непонятных товаров, а сама ярмарка была поделена как-бы на зоны: все товары за 1 или 5 или даже 50 евро. Стоял неимоверный гвалт. В общем, все это напоминало постперестроечные времена - первая половина 90 годов. Я заявил, что отказываюсь здесь оставаться, выйду за ворота и буду ждать жену. Мы договорились, что она походит в течение часа и постарается не перепутать выход. Сам я сел прямо на землю, прислонившись к воротам, и начал наблюдать за толпой, которая с приподнятым настроением заходила за ворота, затем уставшая и со злым выражением на лицах, выходила обратно. Через некоторое время я с ужасом осознал, что наш обратный путь в гостиницу будет еще более проблематичным, чем можно было предположить. Толпа людей, стоявшая у автобусной остановки в сторону Рима, по прибытии очередного переполненного автобуса, брала его штурмом, при этом не соблюдая никакой очереди. И самое тревожное - по близости не было никаких признаков такси. После того, как жена появилась - как и все обозленная и без покупок, мы попытались втиснуться в толпу ждавших автобус. С четвертой попытки нам повезло - появилась женщина с ребенком - инвалидом, которая начала доказывать толпе, что она давно здесь стоит - что конечно было неправдой. Я с несвойственной мне наглостью начал руками доказывать, что женщина права. И воспользовавшись некоторым замешательством толпы, помогая женщине и ее больному ребёнку протиснулся в автобус и каким-то невероятным усилием потянул за собой жену. Как мне стало потом понятно, южные итальянцы - это те же армяне, которые не признают ни авторитетов, ни права окружающих, имеют очень отдаленное

представление о порядке, но при этом все-таки более эмоциональны. В общем, какая-то взрывоопасная смесь.

Но вернемся к семидневному круизу по Средиземному морю. Он начинался и заканчивался в Барселоне. Во всех городах, где мы побывали во время круиза, все было организовано очень живо, весело и познавательно, к тому же мы были очень внимательны. Хотя в Неаполе мы попали интересную ситуацию. Гуляя по старым улочкам, мы забрели, как мне кажется, в какой-то бандитский район Неаполя, где нравы были намного круче - к чему мы были совсем не готовы. Компания очень симпатичных молодых людей, одетых с иголочки, окружила нас. Потом один из них, скорее всего главарь, отошел в сторонку, оценивая нас рассмотрел, затем позвонил по телефону - тихо переговорил, а потом громко на итальянском что-то скомандовал своим поделельникам. Те расступились и дали возможность нам пройти. Уверен их не впечатлил мой внешний вид - помятая майка, шорты и стоптанные матерчатые туфли.

Барселона. Наш последний вечер перед отлетом домой. Отличное настроение, неопишущее послевкусие от круиза. Все подарки и сувениры куплены и уложены в чемоданы! Никаких происшествий за всю поездку! Барселона уже стала нам родным местом. Спускаемся в метро на площади Каталонии.

Жена:

- Пошли, спустимся на лифте,
- Ты что? Всего пол пролета,
- Нет, я устала пошли к лифту.

Стоим у лифта, я:

- Лифт для инвалидов!
- Ничего, никого нет.

Подъезжает лифт. Мы заходим в лифт и вдруг за нами заходят ниоткуда появившиеся щупленький парень испанец и симпатичная девушка. Они как-то непонятно замешкались, сразу за ними входят еще двое, два бугая, с нетипичными для испанцев рожами. Я, почувствовав неладное, насторожился. Рука автоматически прикрыла передний внешний карман шорт, где находился бумажник. Вообще-то передний карман довольно глубокий и мало доступен карманникам. А в бумажнике я всегда держу наличность в районе 100 евро и одну из банковских карточек. Все остальное в сейфе гостиницы. Так что если потерять бумажник, то не очень обидно. Мы в лифте стоим за двумя бугаями, рядом с нами испанская парочка, рука все время ощупывает бумажник. Бугаи все время нажимают какие-то кнопки, извиняются, что не ту кнопку нажали, двери закрываются, лифт подпрыгивает и останавливается. Затем лифт снова двигается и открывается на нужном этаже. Бугаи

быстрым шагом удаляются к перрону. И вдруг я чувствую, что карман пустой. Резко поворачиваюсь к парочке и замечаю, что бумажник в руках у парня ... он его роняет на пол прямо под ноги. Одной рукой держу испанца за грудки ... наклоняюсь, беру бумажник и вижу, что там только банковская карточка. Испанец искренне говорит, что у него денег нет. Я от злости несильно бью его по лицу. Он не ожидает такого поворота событий, пытается отвернуться от удара и головой ударяется о стенку лифта. В лифте стоит гул, как если бы кулаком ударили по тонкому листу железа. Я кричу жене - Вызывай полицию! Вхожу в раж - начинаю методически бить парня, тот методически и очень профессионально ударяется головой о стенку лифта, девушка в такт охает, гул в лифте входит в резонанс и все усиливается. Подлые двери лифта все норовят закрыться.

Сам лифт находится в каком-то закутке. Надо пройти по длинному коридору, чтобы дойти до перрона. Жена уходит за угол и кричит мне:

- Те парни стоят у второго выхода с перрона и ждут этих!

- Вызывай полицию!

- Нет никакой полиции!

Жена на армянском строгим и уверенным голосом кричит бугаям:

- Эй идите суда! Верните деньги! А-то вызову полицию! Быстро ко мне!

Жена мне:

- Они совещаются! ... Один из них подбегает ко мне! ... Он что-то положил мне в ладонь и убежал!

- Вернись!

Когда у парня пошла кровь из носа, я перестал бить. Все равно мне кажется бил несильно. Жена подбегает и вручает смятые евро. Я тотчас осознаю, что совершил большую глупость. Не дай бог, если вдруг появится полиция, мне скорее всего придется надолго задержаться в Испании - возможно в кутузке. Забираю деньги. За это время испанец бодро отряхнулся, девушка поправил сорочку у парня, платком почистила пятна крови и стали ждать пока мы уберемся.

Жена:

- Посчитай!

- Ты что своём уме?! Быстро уходим!

Резвым шагом выйдя из метро, я всё-таки посчитал деньги. Мне кажется деньги вернули все, где-то 115 евро. Жене: -

Пошли потратим деньги. Я знаю недалеко от метро Диагональ есть театр Фламенко.

В общем последний вечер удался. А всё наше путешествие стало незабываемым.

Политехнический

По окончании института, мой первый же официальный трудовой день начался в родном Альма Матер. Первые 20 лет моей уже осознанной жизни связаны с Политехническим институтом. Воистину институт стал моим вторым домом, и историй, конечно, немереное количество. Карантин провоцирует заглядывать в самые далекие анналы памяти и некоторые истории просятся “на свободу”. Поведанная история навеяна вчерашним разговором с другом, который сейчас из-за коронавируса в заложниках во Франции и даже по его подозрению он и жена вроде уже переболели.

Начало 80-х. Меня со старшим товарищем послали в командировку в Москву. Чтобы молодым стало понятно - некоторые особенности советской действительности: номера в гостиницах, пансионатах и санаториях для обычных граждан были в основном двух, трех или четырёхместными. Хотя мне раз “посчастливилось” остаться и в шестиместном номере. Селили в номера по гендерному признаку, при этом надо было иметь обязательную бронь. Практически во всех гостиницах Москвы на ресепшн, как часть интерьера, присутствовала табличка “Мест Нет”. Совершенно незнакомых людей самых различных возрастов, из самых разных регионов страны случайным образом селили в один номер. Конечно, оставив в паспорте 5 рублей, можно было взамен получить маломестный номер.

Обычно при поездках в Москву приглашающая сторона, в нашем случае Научно-исследовательский институт Высшей Школы, всегда бронировала двухместный номер в гостинице Университетская. По теперешним меркам нормальная 3-х звездочная гостиница. Но в тот раз нам сообщили, что номеров нет, и нам забронировали в одной из самих престижных гостиниц в страны, в гостинице Россия двухместный полулюкс! Чтобы поездка не сорвалась нам пришлось долго уговаривать бухгалтерию, чтобы та согласилась оплатить хотя бы часть проживания (в то время командированным улучшенные номера по действующим нормативам не могли быть оплачены) – остальное мы решили оплатить сами, полулюкс всё-таки!

Командированные всегда брали собой электрическую кофеварку, которой строго запрещалось пользоваться в гостиницах. Из-за страха выселения, их часто прятали в чемодане с замком. Обедали в столовке по месту командировки, а завтрак и ужин, если не намечалось какое-то вечернее мероприятие, обычно происходили в номере - в сухомятку, а по вечерам ещё и с бутылкой коньяка или водки, во время которого

завязывались знакомства между случайными соседями по номеру. Кстати, продукты покупались в ближайшем магазине, при этом зимой они вывешивались за окна номера!

Итак, Полулюкс. Гостиная - с телевизором и огромным пустым холодильником, совершенно не вписывающимся в интерьер номера - тогда мини-бары в номерах не практиковали. Холодильник - это хорошо, так как окна в номере почему-то не открывались вовсе. Спальня с одной двухместной кроватью?! А вообще-то повезло, что с двумя одеялами. Да, еще в спальне была огромная, как полгардероба, радиолы на четырех ножках, не подключенная к сети. Назначение последней так для нас и осталось загадкой. И из гостиной, и из спальни были два отдельных входа в ванную комнату. В общем полулюкс так полулюкс, что конечно не стоило тех денег, что мы должны были доплатить из собственных суточных. Но бренд гостиницы, её бары и буфеты, а также местоположение, стоили того, чтобы несколько дней там пожить. Устроившись в номере, мы вдруг обнаружили, что все розетки устроены таким образом, что нашу кофеварку никоим образом невозможно включить в сеть. Одна лишь нормальная розетка, которую мы все-таки обнаружили, была в ванной у умывальника. Но от нее кофеварка так и не заработала - произошел какой-то щелчок и все. В общем пришлось повозиться. Не помню откуда отодрали какой-то провод, опасным образом замотали им вилку кофеварки и другим концом сунули его в нестандартную розетку, куда был подключен также и холодильник. Обошлось, кофе сварили - током не убило! Наутро решили шикануть и позавтракать в буфете на этаже. Стоим у прилавка, выбираем что бы поесть и вдруг замечаем, перед нами в очереди стоит проректор Политехнического по вечернему и заочному обучению. Короче, высшее руководство нашего института. Мы с товарищем переглядываемся, определяем сколько у нас собой денег и тихо договариваемся, что в знак нашего почтения попытаемся заплатить и за начальство тоже. Смотрим, что он берет и стараемся не отставать. В общем набрали всякого дефицита – красную икру, балык ну и тому подобное. Подходим к кассе, перехватываем проректора, здороваемся с ним за руку, и заявляем, что мы все оплатили. Он, как я думаю, с иронией в душе отмечает наше рвение, смотрит на наши тарелки и все переигрывает. Короче проректор оплатил наш завтрак, сказал, что тоже в командировке и завтра улетает. Получилось очень неудобно!

Перед тем как поехать к коллегам, заходим на ресепшн, сообщаем, что у нас не работает розетка в ванной. Нас заверяют, что к нашему возвращению все исправят. После рабочего дня и обязательного стояние в очередях за различными шмотками и дефицитными продуктами,

уставши заявляемся в гостиницу. Кстати, список обязательных товаров и продуктов, которые необходимо купить или достать, обычно составляется супругами и вручается всем семейным командироваемым. Потеря списка по последствиям хуже, чем потеря командировочного удостоверения! Сидим в номер, обсуждаем покупки, думаем, как бы выкрутиться из ситуации с Проректором. Решили позвонить в номер и пригласить начальство в ресторан на ужин - денег вроде бы хватает. Но начальство во всем этом заподозрило подвох и очень нервно ответило - Лучше в другой раз. Решили покурить и выпить кофе. Розетка в ванной как обычно щёлкнула, и кофеварка не включилась. Позвонили на ресепшн, стали возмущаться, что у нас полулюкс, розетка второй день не работает, что это за обслуживание такое... На том конце извинились и сказали, что пришлют электрика. Небезопасным способом сварили кофе, курим..., стук в дверь, неожиданно заходит электрик. Акробатическим движением прячем кофеварку с остатками кофе.

Электрик заходит в ванную комнату:

- Я сегодня эту розетку чинил. Ребята что вы включаете сюда?!

- Как, что? Электробриту!

- Несите,

- Она на работе осталась. Мы ее взяли на работу, там и побрились.

На самом деле полная чушь, на раковине наши приборы для бритья, безопасные бритвы и помазки.

Электрик:

- А чем проверяли?

- Радиолой. Хотите принесем?

Вдвоём хватаем это тяжеленую бандуру и тащим в ванную.

Электрик:

- Да вы что? Не надо! Розетка рассчитана только для электробритвы до 100 ватт! Я сейчас поменяю предохранитель и все.

Электрик ушел. Сидим опять курим. Друг выдаёт сакраментальную фразу:

- Надо заселяться в такие гостиницы, которые соответствует твоему рангу! Если уж полулюкс, то кофе в баре, завтрак в буфете, ужин в ресторане!

Я полностью согласен! Потом по жизни всегда придерживался этого принципа.

Коммерческая командировка

В середине 90-х, по воле судьбы, мне пришлось поработать в самом большом и системообразующем банке Армении, - банк, который был единственным кредитором Правительства, - банк, который реально обеспечивал валютную наличность по всей республике. В июне 1994 года все руководство банка было заменено. Были назначены молодые люди, не обремененные никакими представлениями о банковской деятельности, и вообще-то, мало понимающие, с какими задачами им предстоит столкнуться. Я помню, как вновь назначенный председатель правления банка, вечером того-же дня зашел к нам домой с толстым учебником 60-х годов "Банковское дело в СССР" - Давай почитаем, что это такое. Прочитать учебник так и не случилось - пришлось разбираться со всем этим на месте, по 14 часов в день. В общем-то хорошо, что не смогли прочесть, зато собственники банка за оставшиеся полгода получили 3.500 % дивидендов. Это было бы невозможно, если в новом мире, менеджеры банка в своей деятельности придерживались бы старых банковских традиций, а ещё и поддавались бы постоянному давлению как Правительства, так и Центрального банка.

Итак, я был директором ИТ департамента и членом правления банка. Под Новый год было принято решение закупить большую партию запчастей для имеющихся в наличии не брендовых персональных компьютеров: блоки питания, LPT и COM порты - всё, что со страшной скоростью тогда выходило из строя, а также аппараты для пересчета и упаковки наличности. Так как перевалочным центром всего этого тогда был Дубай, банк решил для прямых закупок командировать меня и управделами в Эмираты и дать нам под это дело аж 20 тысяч долларов, что для того времени было довольно внушительной суммой. Единственной возможностью добраться до Дубая - купить четырёхдневный чартерный туристический тур. В аэропорту узнаем, что летим через Минводы - странно?! Минводы в противоположном направлении от Эмиратов, может пассажиров надо забрать! После приземления где-то на задворках аэропорта Минвод, через полчаса подъезжает трап. В салон входит рабочий в замасленном комбинезоне. К нему выходит командир корабля и передает две большие пачки российских рублей. Тот неторопливо у всех на виду пересчитывает деньги и со словами - "Бл-дь, ... так не пойдет" - возвращает деньги.

Командир:

- Как? ... В среду же заправляли ...!

- Ты что не знаешь нынешний курс? ... Короче не будем заправлять!

- (Пауза, думает) ... ладно, ... подожди ... сейчас принесу. Суки! (на армянском).

Командир возвращается в кабину, минуты через три выходит и передает деньги. Тот не посчитав выходит из самолета. Минут через двадцать подъезжает бензовоз...

Как потом стало ясно, в блокадной Армении в то время не было керосина, и все авиакомпании летали в Ереван с полными баками, чтобы потом вернуться. А в некоторых случаях даже сливали топливо в tanks аэропорта. Чартеры же из Еревана летали в ближайшие Российские аэропорты, заправлялись по полной, затем летали в пункт назначения, а цены на билеты были просто астрономические!

Дубай. Я думаю, теперешняя молодежь не может и представить себе, что из себя представлял тогдашний Дубай. Согласно строительным нормативам того времени все здания должны были иметь высоту не более 4-х этажей, а срок их службы не превышал 15 лет. Через 15 лет здание сносили, потом на том же месте в песке выкапывали новый фундамент, слоями заливали бетон, который покрывали целлофановой пленкой и. т. д. Потом все повторялось. На берегу моря было лишь одно высотное 16-этажное здание, если правильно помню, гостиница Шератон. И так, 6 утра, аэропорт Шаржи, встречает туроператор женщина. На таможне отбирают паспорта, туроператор на своей машине доставляет нас в гостиницу. Заселяемся. Не спится, переодеваемся в майки и шорты, выходим погулять по Дубаю. Спящий город, но через полчаса, о ужас - в городе все меняется! На первых этажах всех зданий и даже отелей, открываются тысячи магазинчиков. Мы не можем найти нашу гостиницу. Паспортов нет, названия гостиницы не знаем, имя турфирмы не помним, телефонов нет, никаких иностранных языков не знаем, все деньги в сейфе! Все ... пропадем! В течение 2-х часов заходим во все здания подряд, ориентиров никаких нет, даже не знаем по какой улочке идем - не знаем в какую сторону нужно повернуть. Заблудились как в лесу - даже хуже. Если зайти в лес и остановится вовремя, то можно, прислушавшись к шуму машин, выйти на дорогу. Здесь все без толку. Что делать - абсолютно без понятий! И вот, о Чудо - совершенно случайно, находим-таки нашу гостиницу! У портье сразу берем десяток визиток, засовываем во все карманы и идём в номер отсыпаться.

Гостиница. В турпакет входило трехразовое питание. В первый день - обед, как в советской столовке, работник столовой, огромный индус, наполняет тарелку гарниром, который выбираешь сам, и затем обязательно кладет куриную ножку. Мы начали на армянском обсуждать с управделами, хорошо бы получить вон те ножки, аппетитные и

побольше, с утра ничего не ели. Индус по нашим голодным взглядам и по жестикуляциям, понял о чём речь и на наши тарелки усмехаясь положил аж по две огромные ножки. Мы были настолько голодными, что все-таки сдержались и не ответили. К чему я это рассказываю, все дни в этом отеле нам на завтрак, на обед и на ужин из мясного давали только жаренные куриные ножки. В Дубае никакое спиртное не продавали, но мы узнали, что в баре гостиницы “Astoria” можно было заказать настоящее пиво - не безалкогольное. Но к пиву нам бесплатно принесли жаренные, о боже, куриные крылышки! Ужас! Все, ... мы решили на завтра пойти в Индийский ресторан и поесть чего-то мясного. Сидим в ресторане и объясняем официанту, что хотим мясное блюдо. Он так нас и не понял. Предложил пройти с ним на кухню и самим выбрать еду. Мы зашли на кухню, повар по очереди открывал нам огромные кастрюли с готовившейся едой. Вот те на, вся еда во всех кастрюлях было перемешана густым соусом! Так что определить с чем был соус было абсолютно невозможно. Мы наугад показали на одну из кастрюль и пошли в зал. Мы все-таки, так и не смогли определить, что ели. Всё было очень остро, но очень вкусно! Бывают события, которые остаются загадкой на всю жизнь!

Обратно домой. Куриная эпопея закончилась. Под утро подъезжаем в аэропорт. После регистрации нас подвозят к самолету ТУ 134. Если кто помнит данный тип самолета состоит из двух салонов, разделенных занавеской: первый поменьше, второй побольше. Все пассажиры, хотя их не много, имеют с собой неимоверное количество чемоданов и баулов. Дубай в отличие от Турции, Мекка для челноков, перевозящих качественные товары. Но всё равно - отличное настроение! Летим прямо в Ереван, без дозаправок - по пути негде. Все усьелись и все вроде разместились в первом салоне.

... Какое-то суетливое движение экипажа вокруг двери самолета. Трап не убирают, ... дверь не закрывают. Потом объявление - Просьба всем пассажирам покинуть самолет. Оказывается, не-то самолет нестандартный, не-то трап не тот. Но самолет своей дверью сел на трап и его невозможно убрать. Необходимо всем сойти, чтобы самолет чуть приподнялся и позволил из-под него убрать трап. Все сошли, ... но не помогло. Тогда скомандовали вывести всю мебель. Оказывается, во втором салоне сняты все кресла, и он превращён в большое багажное отделение. Какие-то крепкие люди из пассажиров стали живо спускать несусветное количество мебели - думаю это были коммерсанты, перевозившие мебель на продажу. Самолет приподнялся. Трап убрали из-под самолета, но оставили в полуметре от самолёта. Экипаж поднялся и попытался закрыть дверь. Но дверь была серьезно искривлена! Тогда

командир корабля скрылся в кабине пилота и возвратился с огромным Топором с красной рукояткой! Какой-то очень большой пожарный топор. Вообще-то странно, где его хранят и зачем он самолете. Может под сидением кресла командира?! Одним словом, командир, встав на трап в полуметре от самолета со всей силой тыльной стороной топора ударил по полуоткрытой двери. После каждого четвертого удара, экипаж, оставшийся в самолете, прикрывал дверь и пытался закрыть её. Потом происходило маленькое совещание и экипаж определял где следует ещё поддать. Затем дверь приоткрывалась, и капитан начинал наносить новые удары. Все пассажиры заворожено смотрели на это действие. После нескольких попыток, когда экипаж убедился, что дверь уже можно закрыть и закрепить изнутри, дал команду крепким ребятам занести мебель обратно. А затем и всем пассажирам зайти в самолёт.

Думаю, произошёл какой-то массовый гипноз. Ни у кого даже мысли не возникло, отказаться от полета. Но самым сложным конечно было на высоте четырех метров прыгать с качающегося трапа в салон самолета. Все уселись. Кое-как закрыв дверь, экипаж намочил бутилированной водой все имеющиеся в наличии матерчатые салфетки, затем заделал ими все щели.

Все. Полетели!

Контактная информация авторов

Соломатова Надежда	<i>solomatova_nadezhda@mail.ru</i>
Осолодкина Дарья "Ё"	<i>yongwol@yandex.com</i>
Оганнисян Шаген	<i>shahen.hovhannisyan@cba.am</i>
Лана Прянишникова	<i>newq0901481@gmail.com</i>
Брижатый Данил "Владислав Мороз"	<i>slavochka.moroz.99@mail.ru</i>
Орловская Полина	<i>poorlovsk@gmail.com</i>
Яременко Николай	<i>komanda@komanda.com</i>
Гаврюшин Юрий "Юрий Диоген"	<i>gavryushin.83@list.ru</i>
Колобов Евгений	<i>kolobov1955@gmail.com</i>
Фомина Диана	<i>dianafominaf@mail.ru</i>
Вадим Мальцев	<i>vadimmaltcev@yandex.ru</i>
Рената Юрьева	<i>rena.yuryeva@mail.ru</i>
Пудов Антон	<i>anton-pudow@yandex.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 23

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф